
МАРИНА
ИНДИВИ
КСЕНИЯ
ЛИТА
КЛИН
Клином
ВЫШИБАЮТ
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Ксения Лита
Марина Индиви

Клин Климом вышибают

https://litres.ru/74933368
SelfPub; 2026

Аннотация

Когда в ночь на восьмое марта парень бросил меня по телефону, попутно обмолвившись, что у него уже два месяца роман с какой-то Светой, я решила, что это стоит отметить походом в клуб.

И обязательно отомстить!

Я совершенно точно не собиралась влипать в Клима Левицкого.

Он слишком принципиальный.

Он слишком мажор.

Он слишком во всем. Для меня.

Но когда мы остаемся вдвоем, это больше не имеет значения. Потому что между нами чистая, неразбавленная страсть, которая ничем хорошим не закончится.

Или

Содержание

Глава 1. Таня 4
Глава 2. Таня 11
Глава 3. Клим 18
Глава 4. Таня 25
Глава 5. Таня 32
Глава 6. Таня 38
Глава 7. Клим 44
Глава 8. Таня 52
Глава 9. Таня 60
Глава 10. Таня 68
Глава 11. Клим 75
Глава 12. Таня 82
Глава 13. Клим 92
Глава 14. Таня 100
Глава 15. Таня 109
Глава 16. Таня 116
Глава 17. Клим 123
Конец ознакомительного фрагмента. 132

Ксения Лита, Марина Индиви Клин Климом вышибают

Глава 1. Таня

«Танюша, не хочу тебя обидеть, но… — поклясться могу, с таких слов еще ни одно нормальное сообщение в мессенджере не начиналось, — ты для меня слишком простая».

Это что, какой-то пранк?

Сейчас два часа ночи, голова просто раскалывается от того, что я не могла заснуть из-за воплей и музыки за стенкой, а когда заснула…

Я забыла выключить телефон, звук на телефоне.

И единственный, мать его, чат, на котором у меня не отключены уведомления, тут же поспешил меня разбудить вот такими «приятными» новостями.

Я даже не успеваю прийти в себя, когда ко мне прилетает следующее: «Пару месяцев назад я встретил подходящую девушку, поэтому считаю, что справедливо будет…»

Пару месяцев?

Пару месяцев назад?!

Спросонья мой мозг отказывается функционировать ис-

правно, музыку у соседей больше не слышно, зато оттуда доносится мат-перемат, отец смачно блюет в ванной, и в целом восьмое марта началось просто отлично.

Не хватает только веточки мимозы, торчащей из жопы.

Из жопы Олега.

— Олег, ты бухой? — интересуюсь я, когда его набираю.

Ну а что? Ему можно меня будить, а мне нельзя.

— Я думал, ты спишь, — доносится из трубки приглушенное, а потом я понимаю, что он куда-то идет. Его шлеп-шлеп-шлеп по полу мой мозг фиксирует как нечто знакомое и утешительное. На вот, послушай звук пяток бывшего напоследок.

— Я не сплю, — сообщаю я и так общеизвестный факт.

Хотя и спорный. Раньше мне казалось, что на такое должна быть совершенно другая реакция. Возможно, мне просто казалось. Или нет?

Сказать, что новость меня оглушила — значит, ничего не сказать.

У нас все было хорошо. Ну, точнее, я так считала.

Его родители были против наших отношений, потому что отец Олега — главный энергетик градообразующего предприятия, а мать — учитель литературы. Положение спасал только тот факт, что я поступила на юридический, сама, на бюджет, хотя поклясться могу, Милена Анатольевна в это до конца не поверила.

Мы с Олегом познакомились полтора года назад, я тогда только поступила, а он перешел на второй курс. В общем, это было как в кино, осенние ночи и прогулки по набережной, стаканчики с кофе в одной руке и шарики в другой. До встречи с ним мне казалось, что такая история не для меня: слишком плюшево, слишком уютно.

Но вот, видимо, под плюшем завелась плесень, которая съела мой мозг, потому что я не заметила, что у него был роман. С другой. Он мне изменял, как… как в слезливых романах или в сериалах на стримингах.

— Поправь меня, если ошибаюсь? Ты написал, что параллельно со мной два месяца встречался с какой-то другой девицей?

— Света не девица! — оскорбился Олег.

— Сочувствую. Ты же любишь всегда и во всем быть первым.

Пауза, повисшая в трубке, была многозначительной. Олег, может быть, и был сыном интеллигенции, но не всегда находился, что ответить.

Раньше я считала это милым.

Такая ламповая неуверенность в противовес агрессивной самцовой брутальности.

— Это совершенно неуместно! — сообщил он, когда пришел в себя. — В любом случае, надеюсь, что ты воспримешь это достойно. Все было замечательно, но пришло время идти дальше. Порознь.

— Тебе мама речь написала?

— Чего?

— Ничего. Иди в жопу, Олег.

Я нажала отбой и сунула телефон под подушку.

Сон еще полностью не отступил, поэтому я лежала и тупо пялилась в потолок.

Вообще, наверное, мне надо было перешагнуть, плюнуть и растереть, но я реально думала, что у нас все серьезно. Нет, я не была из тех девчонок, которые сразу придумывают имена детей, выбирают свадебных фотографов и составляют списки гостей. Все это как раз меня до жути пугало, потому что я видела во что вылились отношения матери и отца, но…

Но.

Наверное, мне надо было сразу понять, что у нас ничего не получится. Просто потому, что родители наверняка постоянно капали ему на мозги, но…

Но.

И наши встречи в последнее время становились все реже и реже, и в квартиру, которую ему родители подарили в декабре на двадцатилетие, он меня не звал. Да, у меня была причина оставаться здесь, но…

Но.

Я вдруг поняла, что в груди жжет.

Так, как вообще не должно жечь из-за идиотов вроде Олега. И в принципе.

Потому что я успела в него влюбиться, а теперь совершен-

но не представляла, что с этим делать.

— Зачем же еще нужны подруги? — интересуется Маша, которая тщетно пытается меня растормошить уже полдня.

Но я то ли не выспалась, то ли меня прикрыло окончательно, потому что кофе и любимый десерт — типа японское пирожное моти в любимой кофейне совершенно не помогают. Вообще, мне крупно повезло, что у меня сегодня нет тренировок и выступлений. Иначе была бы полная жопа.

— Вот, смотри. Я удалила все ваши фотки с твоего телефона.

— Ага.

— Бедов*а*я, я тебя не узнаю. Если честно, я думала, что ты сама его бросишь через два месяца. Он же совершенно тебе не подходит. Не подходил!

Наверное, это самое логичное, что может сказать подруга, когда в твоей жизни случился полный звездец. И я была ей благодарна за это: по крайней мере, Машка никогда не упирала на осознанность, розовых пони и позитивные вибрации, на которых сейчас вибрируют все блогеры.

Ну не все, конечно, но подавляющее большинство.

— А давай в клуб? — предложила она.

— А давай, — согласилась я.

— Только сначала ко мне, переоденемся.

Я вскинула брови: в отличие от меня, Машка предпочитала очень женственный стиль, и ей можно было ехать в клуб

хоть сейчас. По крайней мере, стильная кофта и юбка из бутика корейской одежды, а еще ботинки на шпильках подходили для клубной тусовки куда больше, чем мои джинсы-карго и толстовка оверсайз.

— У меня есть что надеть…

— Да знаю я, что у тебя есть. Поехали!

Я вдруг разозлилась. На себя — за то, что меня так развезло из-за того, кому на мои чувства было плюнуть и растереть. На то, что у меня даже одежды толком нет, все свои подработки я вкладывала в то, что могло пригодиться для танцев или откладывала для Миши.

— Поехали в твой бутик, — я поднялась так резко, что кофе грозил выплеснуться из стакана, сунула дождавшийся своего часа моти в рот целиком.

— О… о-о-о! Вот это уже другое дело, вот теперь я тебя узнаю! — Машка подскочила. — А что, тебе зарплату выдали раньше?

— Вофьму из заначки, — сказала я, дожевывая моти.

— Другое дело! Твой Верховцев еще пожалеет! Пусть идет нахуй! — подруга вошла в раж. — Давай, сейчас соберем тебе отпадный лук! А потом найдем парня, от которого все упадут.

— Клин клином вышибают? — фыркнула я.

— Именно!

Пока она вызывала такси, я оплатила счет. В конце концов, я имею право потратить на себя то, что я зарабатываю.

Сегодня мне это нужно.

Глава 2. Таня

В субботу в Машкином любимом клубе было невозможно протолкнуться, но мы с ней успели пройти, прежде чем охрана на входе перестала пускать желающих повеселиться этой ночью. Клуб, конечно, был большой, двухуровневый, с огромным танцполом в центре, сценой с диджейским пультом и столами с диванчиками для желающих отдохнуть, но не резиновый, и вместимость у него была ограниченная.

До этого я была здесь пару раз: мы отмечали закрытие летней сессии и день рождения Маши. В отличие от подруги, у меня не было возможности посещать такие клубы часто. Маша любила тусовки и могла себе их позволить, родители ей ни в чем не отказывали.

Это было какое-то помешательство, но сегодня я изменила своему удобному спортивно-неприметному стилю. Когда консультант из Машкиного бутика притащили «самое роскошное платье» из наличия, и на меня оно село, как влитое, обтянув, но нигде ничего лишнего не перетянув, я в порыве энтузиазма его купила.

Возможно, меня накрыло тем самым постотношенческим синдромом, который испытывают все девушки, которых бросают парни в канун восьмого марта. Хотя, если быть совсем душной и вспомнить, во сколько мне пришло сообщение, то Олег сделал это уже в Международный женский день, оче-

видно, в качестве подарка своей Светочке.

Я сдала пуховик в гардероб и покрутилась перед зеркалом в пол. В этом платье я выглядела так, словно меня облили розовым золотом, и дали этому металлу на мне же застыть. Глянцевая ткань поблескивала в неоновом свете, с собранными наверх волосами я сама себе напоминала какую-то древнегреческую богиню. Завершали образ черные ботильоны на шпильке и яркие агрессивные стрелки на моих глазах.

На соревнования и мастер-классы я одевалась и более откровенно, но то была другая жизнь. До этого дня я даже в клубы предпочитала надевать джинсы. Но сегодня мне хотелось собрать восхищенные взгляды парней, когда я выйду на танцпол. Доказать самой себе, что я — горячая красотка, а Олег — лох, который меня, такую богиню, потерял.

В общем, настрой у меня был боевой. Потанцевать и вытрясти из себя всю злость на бывшего.

— Как этот хмырь мог променять такую секси-красотку на кого-то еще? — поинтересовалась Маша, догоняя меня. — Наверное, он не видел тебя в таком образе!

— Он видел меня без одежды!

— Тогда у него зрение минус тридцать!

«Нет, это у меня зрение минус тридцать, если я за эти два месяца не поняла, что Олег встречается с какой-то Светой, а меня держит в качестве запасного варианта».

Все!

Никаких мыслей об этом козле!

Я иду танцевать!

Мы с Машкой переместились на танцпол и сразу же влились в толпу. Подруга не занималась танцами, но она постоянно тусила в клубах, поэтому мы сегодня сразу стали звездами.

Я отрывалась под любимые треки: диджей сегодня был в ударе, а я двигалась на высоченной шпильке так, будто родилась на каблуках. Меня даже не смущало, что сегодня типа праздник шоколадных конфет и букетов, и вокруг много парочек. Мне этот день запомнится как поминки моих неудавшихся отношений.

И разбитого сердца.

Впрочем, сегодня в клубе были не только пары, пару раз ко мне на танцполе пытались пристроиться какие-то парни, но я уходила в сторону, сразу давая понять, что этой ночью танцую одна. Я всей кожей чувствовала прямые и откровенные взгляды, оценивающие, раздевающие, и взгляды, брошенные исподтишка, это заставляло меня двигаться вызывающе-откровенно. Внимание мужчин мне льстило. Но я уже не была уверена, что хочу сегодня с кем-то знакомиться.

Такой был план, но я передумала.

В конце концов, никто не мешает мне просто наслаждаться жизнью. Одной.

И я наслаждалась. Пока не заметила за одним из столиков Олега с новой пассией.

Над столиком горели светильники, поэтому я прекрасно могла рассмотреть и его, и всю его компанию. Это были одногруппники Олега, с которыми он меня особо не знакомил. А вот та самая Света, видимо, прошла фейсконтроль, потому что радостно о чем-то рассказывала его друзьям.

Мне бы очень хотелось думать, что она страшная, как гнев Божий. Что его заставили родители. Что он просто головой долбанулся, когда упал с кровати. Но Света оказалась… просто Светой. На редкость симпатичной девицей с правильными, хотя и несколько крупными чертами лица и густыми шелковистыми волосами до жопы.

Жопа! Вот жопа!

Наши с Олегом взгляды встретились, и я даже через несколько метров почувствовала его раздражение. Казалось, он едва сдерживается, чтобы не встать и не утащить меня с танцпола. Помню, он злился, когда я выложила видео с «голой задницей», которое на самом деле было с танцевальной связкой на мастер-классе по хай хилс. Причем, против самой моей голой задницы он ничего не имел.

Сейчас же он не мог меня никуда утащить. Он потерял это право, когда бросил меня по переписке. Воспоминания ночи ядом прошлись по моей израненной гордости. Само то, что мой бывший здесь, испортило весь вайб вечера.

Я прокричала Маше на ухо, что хочу пить, и мы направились в сторону бара. Там я заказала бутылку воды, а подруга «Беллини».

— Олег здесь, — выдохнула я, когда мы разместились на свободных стульях за стойкой. — Со своей Светой.

— Где?

— Да не крутись, Маш. Еще порадуется, что мы его обсуждаем!

— Но мы его обсуждаем! Потому что этот гад заявился в мой любимый клуб!

Машка перестала крутить головой и подалась ко мне:

— Помнишь наш план? Ты должна уйти из клуба с парнем!

А я поперхнулась водой так, что часть попала мне на грудь, и замотала головой.

— Я не знакомлюсь в клубах, Маш. Не сегодня.

— Да не знакомься себе на здоровье. В другое время, пожалуйста. Но сегодня ты должна показать этой маминой корзиночке, кого он потерял.

Я бросила взгляд в сторону столика, за которым разместился Олег с девушкой и друзьями, и поняла, что она права. Я себя не на помойке нашла.

— А знаешь, что? Ты права! Пусть он позеленеет от ревности!

— Идиотская идея, — прокомментировали откуда-то сбоку приятным баритоном. Впрочем, это единственное, что во всем этом было приятного.

— Что, прости? — Я резко повернулась и чуть не ткнулась носом в грудь, обтянутую черной водолазкой. Пришлось

вскинуть голову, чтобы рассмотреть самого парня — он стоял слишком близко и, естественно, слышал весь наш разговор.

Кринж!

У него были пшеничные волосы, аристократические черты лица, высокий рост и широкие плечи. Он явно занимался спортом, но на качка был не похож. Но все это я отметила краем сознания, потому что смотрела прямо в насмешливые глаза. Скользнула взглядом по тонким, изогнутым в издевке губам, и вспыхнула. Но не от стыда, а от ярости на него: за то, что так бесцеремонно вторгся в мое личное пространство.

Он, конечно, лучше знает, что мне нужно!

— Говорю, что использовать одного парня, чтобы позлить другого — идея так себе.

— Тебя забыли спросить, — огрызнулась я. — Неужели кто-то ведется на твои подкаты?

Он кивнул в сторону стойки, где бармен выставил перед ним бокал с виски. А затем подался вперед, так, что мы едва не соприкоснулись телами, но я успела уловить дорогой аромат, которым этот мажор наверняка пропитался с рождения.

— Если бы я хотел к тебе подкатить, ты бы уже стонала подо мной. В общем, если хочешь потрахаться назло бывшему, ищи меня на втором уровне.

Я моргнула, а он оттолкнулся от стойки и ушел, не оглядываясь.

— Ты последний, с кем я захочу трахаться! — процедила

я и повернулась к притихшей Машке. Глаза у нее почему-то были по пять рублей. — Ты чего, Маш?

А она повисла на моей руке и зашипела:

— Это же Клим Левицкий!

Глава 3. Клим

Девчонка танцевала как богиня. Я заметил ее, когда вышел из ВИП-ложи. Мне надо было просто подышать, потому что среди собравшихся отмечать мой день рождения (да, меня угораздило родиться восьмого марта, и я живу с этим все двадцать три года) градус веселья уже зашкаливал, но не от солнышка, как любил говорить директор лицея, в котором я учился, а от «других составляющих». В составляющих присутствовали дорогой алкоголь, сигары и кальян, и дышать там внутри было уже категорически ничем. Но что самое занимательное, я был уверен, что никто не заметит моего отсутствия.

Поэтому поинтересовался у одного из проходящих мимо сотрудников, нет ли еще свободной ложи.

— Есть, — ответил тот. — По брони не пришли.

— Беру, — сказал я, рассматривая танцующую блондинку.

Она была из тех девчонок, которые напоминают пламя. И двигалась она как пламя. Живое, неразбавленное, текучее.

Особенно когда распустила волосы, и они длинным шелковым полотном окутали ее плечи.

— Вот ты где, — донеслось из-за спины, и я обернулся. Марина выпорхнула из ложи и подошла ко мне, положив ла-

донь мне на плечо.

Я повел плечом, и руку она убрала. Оперлась о поручни и проследила мой взгляд.

— Выглядит дешево.

— Ты о чем?

— Блондинка. У нее нет украшений и даже клатча. Ботинки явно поношенные. По ходу, платье она купила на распродаже или позаимствовала у подруги.

Я перевел на нее раздраженный взгляд:

— К чему это все?

— К тому, что я прекрасно вижу, куда ты смотришь.

— Куда я смотрю, тебя волновать не должно.

— Но меня волнует, — она попыталась положить руку мне на грудь, и я отступил.

— Марина, давай начистоту. Ты здесь только потому, что на тебя запал Богдан, а я не могу отказать лучшему другу. Но если ты еще раз попытаешься подкатить, я с ним серьезно поговорю, и из нашей компании ты вылетишь.

Вообще-то Марина — очень красивая девушка. У нее густые рыжие волосы (свои, натуральные) такого оттенка, что желающие побыть рыжими могут удавиться от зависти за такой цвет. Получается, рыжие — это мой фетиш, пора бы это уже признать. Потому что недавно я чуть не запал на девчонку, которую Ассоль попросила прикрыть от приставучего парня.

Как выяснилось, в прикрытии она не нуждалась, потому

что по уши влюблена.

Что же касается Марины, она просто решила заставить меня ревновать (ей показалось, что я куда-то не туда смотрю или как-то не так общаюсь), поэтому наши отношения закончились прошлой осенью. Если быть точным, в конце сентября, на тех самых попытках.

Марина никак не могла угомониться и считала, что должна меня вернуть, даже несмотря на то, что у нее вроде как что-то наклевывалось с Богданом. Между собой мы с ним этот вопрос прояснили, так что с моей стороны никакой неловкости не было: нравится ему Марина — на здоровье.

Но если она собирается его использовать — увольте.

Использовать кого бы то ни было, чтобы заставить кого-то «пожалеть о своем решении», и вся такая прочая херня — верный способ вылететь из моего окружения и из моей жизни.

К счастью, Марина это прекрасно поняла, потому что, развернувшись, откинула волосы за спину и шагнула в ложу, где все продолжали праздновать. Ее алое платье в полумраке мелькнуло как вспышка, погасшая за закрытой дверью.

А я снова повернулся, чтобы посмотреть на танцующих, но девчонка куда-то делась. Вместе с подружкой. Долго искать не пришлось: они переместились к бару. Я посмотрел на них и направился к лестнице, по дороге получив ключ от второй вип-ложи.

К этой девчонке меня притягивало как магнитом. Воз-

можно, я просто видел, как она двигается, и будем честны, ее движения могли поднять стояк даже хроническому импотенту. А может быть, причиной являлся тот факт, что в последнее время у меня чаще всего случались исключительно одно-двухразовые встречи, из которых иногда получалось неплохое свидание и неплохой секс, и я начал к этому привыкать.

К тому, с что с девчонками необязательно разговаривать, необязательно, чтобы с ними было интересно, и чтобы от ее сообщений из глаз не шла кровь.

Их можно просто трахать.

Хорошо трахать. И расставаться на утро. Или через пару раз.

Или через неделю.

Я никого не обделял подарками: помимо учебы, я уже пару лет работал в компании отца, и тянуть с родителей деньги на букеты, дорогие рестораны и прочее мне было не нужно. Девчонкам это нравилось, мне нравился секс с ними, и они не испытывали неприятных чувств, когда я говорил, что мы расстаемся.

А секс с ней наверняка будет запоминающимся.

Фееричным.

Так почему я должен себе в этом отказывать, тем более на свой день рождения?

У нас могло бы все получиться. Классно. В той самой ложе или, если бы она того захотела, в отеле. Но я едва успел облокотиться о стойку и сделать заказ, когда сквозь басы услышал комментарий ее подружки:

— … должна показать этой маминой корзиночке, кого он потерял.

Девчонка обернулась на один из дальних столиков так яростно, что чуть было не врезала мне локтем под дых.

— А знаешь, что? Ты права! Пусть он позеленеет от ревности!

Ну пиздец.

У меня что, с Марины начался период девиц, которые хотят навешать бывшему?

— Идиотская идея, — выдал я раньше, чем успел себя остановить.

Она вздрогнула от неожиданности и резко обернулась.

— Что, прости?

Сейчас, вблизи, я мог рассмотреть ее получше и понял, что Марина была права по поводу ботильонов (носы у них были потертые). А еще у девчонки были ногти синего цвета, металлик, что совершенно не вязалось с ее образом сейчас. Ни одна из девчонок, которых я знал, ни за что не пошла бы в клуб, если бы цвет ее маникюра не сочетался с цветом платья и всего остального.

Но, несмотря на это все, я почему-то не мог просто развернуться и уйти, как должен был сделать.

Как однозначно сделал бы раньше!

— Говорю, что использовать одного парня, чтобы позлить другого — идея так себе, — хмыкнул я.

— Тебя забыли спросить! Неужели кто-то ведется на твои подкаты?

Я кивнул бармену и подтянул к себе бокал виски. После чего качнулся к ней вплотную.

— Если бы я хотел к тебе подкатить, ты бы уже стонала подо мной. В общем, если хочешь потрахаться назло бывшему, ищи меня на втором уровне.

Что?! За?! Хрень.

Это я отметил уже с раздражением, поднимаясь на второй этаж. Зачем надо было это все говорить? Зачем надо было ее провоцировать?

Я бы развернулся и ушел, будь на ее месте любая другая.

Однозначно.

Но ее аромат продолжал меня преследовать, даже когда я оказался один, в пустой ложе. Может, уходить с собственного праздника было не лучшим вариантом, но у меня не было настроения туда возвращаться. Особенно сейчас.

И почему я, блядь, рядом с ней просто слетел с катушек?

Мыслительный процесс у меня не успел завершиться, потому что дверь распахнулась рывком, явив мне блондинку с совершенно дикой решимостью в глазах.

— Потрахаться, говоришь? — заявила она, заводя руки назад и расстегивая платье. — Ну давай, снимай штаны, гре-

баный Серкан Болат.

Глава 4. Таня

— Это же Клим Левицкий! — возбужденно-мечтательно выдохнула Машка, когда взбесивший меня чел поднимался по лестнице на второй этаж.

— Тот самый? — поперхнулась я, теперь уже пытаясь внимательнее рассмотреть краша всея универа. Вид сзади был шикарный: стильная стрижка, широкие плечи, крепкая пятая точка (вот явно он какими-то единоборствами занимается!), а момент разглядеть его спереди я упустила.

Левицкий учился на последнем курсе, работал в компании отца и ездил на алом «мустанге». А еще был причиной женских разбитых сердец. Потому что после расставания с бывшей ни с кем не встречался. Что не мешало девчонкам пытаться завлечь его в свои сети.

Шансы с ним пересечься у меня были минимальные: разные факультеты, разные курсы. Поэтому слышала о нем я исключительно от Маши, которая знала все и обо всех с первого курса, хобби у нее было такое. Учитывая, что я в это время сохла по Олегу и на других парней не заглядывалась, ее попытки показать мне фоточки Клима в соцсетях обернулись провалом.

Моя память эту инфу просто вымарала.

Поэтому я о Климе Левицком знала примерно… ничего. Но его «мустанг» на парковке перед главным входом в уни-

вер видела. Запоминающаяся тачка. Даже для тех, кто к машинам в принципе равнодушен.

— Точно он! — подтвердила Маша. — И ты заявила ему, что не станешь с ним трахаться!

— Я не стану с ним трахаться!

— Это правильно, — согласилась Машка. — Он не из нашей лиги. Он как селебрити, а мы как…

— Второкурсницы, — перебила ее я и вдруг разозлилась: — Слушай, я не понимаю, почему все по нему сохнут. Он же душный.

— Красивый.

— Беспардонный.

— Дерзкий. И по слухам — бог в постели!

Я вспомнила *его* аромат, от которого у меня чуть не закружилась голова, и в мой взбудораженный мозг пришла абсолютно тупая мысль, что Клим, в общем-то, мне подходит.

Я хотела найти себе парня на одну ночь?

Хотела забыть Олега?

Кто для этого подходит лучше всего? Мажор с репутацией сердцееда!

— Прямо бог? — уточнила я.

— Ну не криво же, — рассмеялась Машка, а я спрыгнула с барного стула.

— Я в туалет.

— Окей. Жду здесь.

Почему-то было неловко признаваться подруге, что я со-

бираюсь пойти и соблазнить мажора, которому пару минут назад заявила, что стонать под ним не буду. Или это он говорил про стоны? Черт!

Я дошла до лестницы и чуть не повернула назад, но потом снова заметила взгляд Олега. И мне он показался самодовольным: у него новая девушка, а я вроде как продолжаю по нему сохнуть.

Моя гордость яростно скрипнула от этой мысли, поэтому я отвернулась от столика, за которым сидел бывший, и взбежала наверх. Старательно не думая о том, что Левицкий мог меня не ждать. Я же вроде как его послала.

Но он сама меня пригласил, его проблемы!

Я не знала, чего во мне сейчас больше: возбуждения или напряжения, а может, и того и другого, но я замерла на втором этаже, где было множество лож.

— Где я могу найти Клима Левицкого? — поинтересовалась я у секьюрити. — Он пригласил меня к себе.

Шкафоподобный охранник смерил меня взглядом, сделал собственные выводы и ответил:

— Последняя ложа слева.

Это решило не только мою проблему с поисками, но и развеяло оставшиеся сомнения по поводу того, что я творю.

Поэтому я решительно подбежала до нужной ложи и рванула дверь на себя.

Левицкий сидел на краю стола и ждал меня. И у меня, наверное, слетели все тормоза, потому что я принялась стяги-

вать с себя платье со словами:

— Потрахаться, говоришь? Ну давай, снимай штаны, гребаный Серкан Болат.

Левицкий нахмурился и сложил руки на груди:

— Навела про меня справки, Барби?

— Какая из меня Барби? — фыркнула я, а он приподнял бровь:

— Какой из меня Серкан Болат?

Я дернула молнию, надеясь, что это выглядит сексуально-провокационно. По крайней мере, я хотела бы, чтобы это так выглядело.

— Ты блондин, мажор и мистер «мокрые трусики».

Я дернула ее еще снова, но, видимо, в молнию попала ткань платья и там застряла. Вместе с моей попыткой побыть роковой женщиной.

— А ты, как я вижу, любительница ярлыков?

— Нет, мне просто надо знать, с кем я имею дело, — ответила я, тщетно пытаясь справиться с платьем, которое, видимо, считало, что я поступаю глупо. — Чтобы все произошедшее между нами осталось в этом клубе.

Левицкий легко, с грацией большого дикого кота оттолкнулся от стола и резко крутанул меня, разворачивая к себе спиной.

Мое сердце ухнуло вниз, словно я сейчас спрыгнула с обрыва в пропасть, а затем забилось с утроенной силой. Особенно когда моей обнаженной спины коснулись горячие

мужские пальцы.

Легко вжихнула молния, и платье сползло вниз, а затем Левицкий прижал меня спиной к своей груди. Одна его рука скользнула по моей шее, а другая надавила на живот, заставляя меня встать на носки. Он вжал меня в свое тело так сильно, будто уже трахал во всех позах, и я смогла почувствовать, что он уже возбужден. Что хочет меня, несмотря на то, что пытается казаться холодным.

Нет, холодно мне не было, несмотря на то, что меня всю уже трясло.

Левицкий погладил меня по шее, а после обхватил грудь и ущипнул за чувствительный сосок. Я всхлипнула, потому что это было остро. Меня повело от него, почти сразу повело, хотя с Олегом мне зачастую требовалась настройка. Прелюдия. С ним же я почувствовала, как становлюсь влажной. Я была готова к тому, что он меня сейчас нагнет.

Очевидно, в моей голове случайный перепихон именно так и выглядел. Но, что интересно, я кажется, была совсем не против.

— Меня это устраивает, — произнес он, проводя языком по моей скуле.

— А?

Мое сознание плыло, словно я перегрелась на солнышке, что в нашей полосе в марте в принципе невозможно.

— Я тебя трахну, а если еще раз встречу, просто пройду мимо.

— Ты точно знаешь, что делать дальше? Твои слова както ни разу не возбуждают!

— Неужели? — Он без предупреждения скользнул пальцами мне в трусики, а затем вогнал в меня сразу два пальца.

Что я там думала про остро? Вот сейчас это было так остро, что я всхлипнула. Тема нашего разговора мгновенно выскользнула из моей головы, пока он входил и выходил из меня пальцами, при этом надавливая на клитор.

Это вообще не было похоже на то, что у меня было с Олегом. Там мне приходилось все время говорить ему, как и где меня касаться.

Этот Левицкий будто знал даже то, что я до этого момента не знала о себе. Он словно играл на мне, как на музыкальном инструменте. Вызывая во мне жаркие стоны и всхлипы.

В какой-то момент я сама начала насаживаться на его пальцы, готовая вот-вот кончить, но этот гад, словно издеваясь, все прекратил.

А затем вновь крутанул меня как куклу, будто я ничего не весила, подхватил за талию и усадил на стол.

Бряцнула пряжка ремня, снова вжихнула молния, на этот раз на его джинсах. А после Левицкий достал из заднего кармана упаковку презерватива и раскатал его по члену. Я сглотнула и теперь поняла, для чего он растягивал меня двумя пальцами. Надо было тремя, потому что у него был большой.

Правда, рассмотреть мне ничего не позволили: Левицкий

шагнул вперед, вклиниваясь между моих бедер, и приставил член ко входу в мое тело.

А затем качнулся вперед, входя в меня сразу на всю длину.

Я вскрикнула от неожиданности и нового уровня остроты ощущений. Ощущений новых и мной еще неизведанных.

Он положил мне ладонь на горло и приказал:

— Смотри на меня. Не вздумай представлять своего бывшего и прочую чушь. Сегодня тебя трахаю я.

Глава 5. Таня

Я. Ебанулась.

Это единственное слово, которое приходит мне на ум в этот момент. Но мое тело со мной категорически не согласно и ведет себя так, как будто во всем согласна с ним.

Ну или просто дело в том, что когда он во мне, внутри происходят какие-то странные процессы, запущенные с той самой минуты, как я вошла в эту ВИП-ложу, а он вошел в меня. Вот такой вот эротический каламбур.

Но разорвать наш взгляд я совершенно точно не могу, и сейчас вижу, как в его глазах, наполненных темным свинцом, как грозовое небо, искрит неон от фирменной вывески клуба за моей спиной. Там написана какая-то херня, в стиле вот этих вот современных позитивных аффирмаций, но я ее смутно помню, она вылетела у меня из головы.

Потому что сердце колотится как безумное, и в этом безумии его рука на моей шее и его член внутри меня воспринимаются как нечто совершенно естественное моей природе.

— Ты меня поняла, Барби? — хрипло интересуется он.

— Ты будешь меня трахать, или проведем сеанс психотерапии? Но тогда тебе придется достать из меня эту штуку.

— Эта штука называется член.

На мгновение — очень короткое, когда он подается на-

зад, мне кажется, что он и впрямь готов остановиться, но ни хрена. Потому что в следующее мгновение он начинает меня трахать, и это совершенно не похоже на все те романтические сопли, которые очень выгодно себе представлять, когда думаешь о сексе с таким вот парнем.

Нет, это просто жесткий секс, и его член внутри меня двигается с такой силой, что стол под нами просто ходуном ходит.

Мне приходится вцепиться в него, в его плечи — держаться за стол чревато падением назад, шишкой на затылке и психологической травмой, и я невольно чувствую, как под пальцами перекатываются мускулы.

Он не отпускает моего взгляда, как будто может читать мои мысли. Но мыслей во мне сейчас нет совершенно никаких, кроме тех «А-а-а-а» и «О-о-о-о», которые обычно звучат в фильмах определенного содержания.

И я эти мысли озвучиваю, потому что если бы я не орала, это наслаждение внутри меня просто разорвало бы меня на тысячу Танечек. Я даже не представляла, что это может быть так хорошо. В смысле, что случайный секс может быть таким.

Даже если тебя трахает парень, который выглядит как звезда подиума или кино, и единственные звуки, которые он издает — это хриплое сбивающееся дыхание.

Его член входит в меня на всю длину, выходит почти полностью, а потом снова скользит вдоль той самой чувствитель-

ной точки внутри, и я начинаю задыхаться. Потому что от моих стонов и такого интенсивного ритма начинает не хватать дыхания. Или от его ладони: он так и не отпустил мою шею.

Сама мысль о том, что он может сдавить пальцы чуть посильнее, неожиданно отзывается внутри сладким спазмом. Это какая-то дичь и доверие на уровне тела, потому что я вообще-то против такой херни, но…

Процесс уже запущен.

Еще одно его движение — и мышцы начинают сжиматься, и фейерверки оргазма взрываются внутри от места соединения наших тел, и дальше, и ему приходится отпустить мою шею и перехватить меня за талию с каким-то рычанием.

Потому что я прогибаюсь настолько, что рискую реально долбануться головой о стену или о стол.

Надеюсь, здесь хорошая звукоизоляция, потому что последний мой стон особенно громкий. А потом я чувствую пульсацию его члена внутри, и меня накрывает второй волной, и я на мгновение вылетаю из реальности.

Прихожу в себя от того, что он из меня выходит, и неожиданно эта пустота внутри ощущается как нечто противоестественное. Левицкий же выкидывает презерватив и застегивает свои черные джинсы с таким видом, как будто у него каждые пять минут по такому оргазму.

Как будто его зрачок не расползался сейчас во всю радужку, и он не рычал от наслаждения во время подступающего

оргазма.

— Полегчало? — интересуется он с тем же самым непробиваемым выражением морды лица.

— Ты даже не представляешь, насколько.

Я не спешу спрыгивать со стола, потому что ноги сейчас по ощущениям напоминают желе, хотя и свожу бедра. Все-таки я далека от актрис определенного жанра, хватает уже и того, что холодный воздух кусает меня за обнаженную грудь. Мои соски и так торчат, и, когда его взгляд скользит по моей груди, его глаза снова темнеют.

Так что не такой уж он и непробиваемый, каким хочет казаться, но это совершенно не мое дело. Я пришла сюда, чтобы показать Олегу фак, и я это сделала.

Ладненько, поговорили, потрахались, пора и честь знать.

Я осторожно сползаю со стола под его взглядом: задница прилипла к краю, и на ней наверняка отпечаталась полоска. Платье валяется на полу, и чтобы его поднять, мне приходится присесть на корточки. Потому что светить задницей и всем прилагающимся в эпичном прогибе перед Левицким я не собираюсь.

Не заслужил.

Или заслужил?

Что-то внутри меня тоненько подрагивает, явно намекая на то, что можно остаться и продолжить, но это не входило в мои планы.

В мои планы вообще не входило трахаться с парнем, которого я вижу первый раз в жизни.

Прежде чем совесть и все прилагающееся навалятся на меня сверху, как бетонная плита, я влезаю в платье и предпринимаю попытку его застегнуть. Но молния отказывается сотрудничать со мной и в обратном направлении.

И я уже совершенно не удивляюсь, что Левицкий снова касается моей спины пальцами, и от этого прикосновения вдоль моего позвоночника марширует толпа мурашек.

Мне приходится обернуться на него через плечо, но он настолько высокий, что я вижу только край его подбородка и немного смуглой кожи в вырезе рубашки.

Он, наверное, с Мальдив-Дубаев не вылезает.

— Удачи, — ровным тоном сообщает он и отступает, как будто между нами реально ничего не было.

Но между нами реально ничего не было.

Просто секс.

И Таня внутри, которая еще вчера верила в большую и светлую с Олегом, и что у нас непременно все будет лучше, чем у моих родителей, приходит от этого в ужас.

Несмотря на то, что учителя мне с детства твердили, что я выросла в неблагополучной семье, что у меня проблемы с агрессией и в целом я ни к чему хорошему не приду, на то, что в школе меня считали оторвой, Олег был у меня первым.

Я вообще была уверена, что никогда не смогу вот так.

Чтобы секс просто ради секса…

Я вылетела из ложи раньше, чем успела додумать эту мысль. Пулей пронеслась мимо охранника, по лестнице, снова оказавшись на танцполе, завертела головой в поисках Машки.

Она обнаружилась за стойкой в компании какого-то темноволосого брутального качка, который, заметив меня, прошелся по мне оценивающим взглядом.

— Тань, ты что так долго?!

— Что-то не то съела, — пробормотала я. — Ты не против, если я домой?

Машка посмотрела на парня, потом на меня. Судя по всему, у нее намечалось новое перспективное знакомство, и она разрывалась между ним и мной.

— Все окей, — добавила я. — Если что, я вызову такси. Или ты тоже хочешь уехать?

— Не-а. — Она покачала головой. — Тогда до встречи после выходных?

— До встречи. Если что, я на связи.

— Договорились.

Я вылетела из клуба, даже не застегнув куртку, которую мне выдали. Сунула руки в карманы, вдохнула все еще морозный воздух с первыми ароматами весны. И только сейчас неожиданно поняла, что, когда уходила. даже не посмотрела в сторону Олега и его новой пассии.

Глава 6. Таня

Слава всем, кому только можно, что следующий день — тоже выходной. Потому что несмотря на то, что я пришла домой не сказать, чтобы поздно, в час уже была на месте, я еще долго снимала макияж и еще дольше ворочалась в постели. Но теперь не из-за льющегося «унц-унц» из соседней квартиры, хотя он снова присутствовал в моей реальности.

Я не могла уснуть, вспоминая историю своего «падения».

В смысле, случайный секс в ночном клубе с незнакомцем.

Хотя Левицкий не был для меня незнакомцем, он даже не спросил моего имени. Оно просто ему было не нужно. Как он там сказал? Если снова встретит, пройдет мимо?

Да, все именно так. И я тоже пройду. Я вообще забуду все, что между нами было.

Но почему-то ночью ничего не забывалось, как я ни старалась выкинуть его из головы. От воспоминания о его пошлом «Барби», меня снова охватывало возбуждение, и мурашки бежали по телу. Что уж говорить про воспоминания о том, как он вколачивался в меня жестко и мощно.

Я встречалась с Олегом больше года, но рядом с ним меня вообще так не крыло. Может, на Левицкого не просто так пускает слюни половина девушек нашего универа? Может, у него есть какая-то суперсила, и она сработала и на меня тоже?

В общем, где-то на этой мысли я провалилась в сон, а проснулась от бряцанья посуды на кухне. Вытолкнула себя из-под теплого одеяла, сунула ноги в мягкие тапочки и, как есть, в пижаме направилась туда.

Повезло, что нам от дедушки с бабушкой досталась трехкомнатная квартира в хрущевке на втором этаже. Ремонт в ней делали еще до моего рождения, поэтому я с подростковых лет мечтала сменить обои с серебристыми водопадами в своей комнате на что-то более современное. Но каждый раз деньги уходили на что-нибудь более полезное.

Например, в прошлом году мне пришлось купить новую стиральную машину, потому что старая после шестого ремонта попросилась на покой. А до этого один из друзей-собутыльников отца разбил окно на кухне, и мы поменяли его на пластиковое. В общем, водопады продолжали присутствовать в моей реальности, как и моя совершенно не глянцевая квартира.

Я даже не удивилась, обнаружив на кухне отца, Миша никогда так не шумел, хотя с первого класса сам готовит себе завтрак. И гораздо более успешно, чем наш родитель с похмелья. Отец уже разбил несколько яиц мимо сковороды, а в тех, что попали, куда надо, торчали куски скорлупы.

— Ну наконец-то проснулась, — встретило меня вместо доброго утра. — Сделай папке завтрак!

Я вскинула бровь и налила в чашку воду из кувшина с фильтром.

— Ты и без меня хорошо справляешься.

— Танька, ты единственная баба в доме, ты должна готовить.

В меня плеснуло раздражением, которое в последнее время сдерживать было все сложнее и сложнее.

— Не баба, а женщина. Это раз. И я тебе ничего не должна. Это два. Потому что я тут единственная, кто приносит деньги.

Отец развалился на табурете за маленьким квадратным столом и закурил.

— А ты чего так заговорила, дочь? По клубам начала шляться. Я тебя вчера видел, какой ты вернулась. Так одеваются только шлюхи. Ты так зарабатываешь деньги? Позоря мое имя?

У меня вспыхнули щеки.

Учитывая, что я работала с тринадцати лет, с тех пор, как умерла мама. Я мыла полы, раздавала листовки, была курьером… Я делала все, чтобы не оказаться там, в чем меня только что обвинил отец. Я выступала на вечеринках и мероприятиях с нашей танцевальной группой. Всю жизнь я работала, чтобы выбраться из всего этого дерьма самой и вытащить из него Мишу.

— С этим ты прекрасно справляешься и без моей помощи, — ответила и развернулась, чтобы уйти. Но отец перехватил меня за руку и до боли сжал запястье.

— Как ты разговариваешь с отцом? — выдохнул он пере-

гаром мне в лицо.

— Как ты того заслуживаешь! Ты вообще знаешь, что такое быть отцом? — процедила я и толкнула его свободной ладонью в грудь. Отец этого не ожидал и разжал пальцы. Я кивнула на плиту: — Про яичницу не забудь, отец года!

Меня вынесло из кухни на сверхзвуковой, потому что я не могла находиться с этим человеком в одном пространстве больше пяти минут. Он был не похож на того мужчину, которого я помнила из своего детства. Мой папа вкусно пах лосьоном после бритья, его брюки и рубашки всегда были идеально отглажены. Он водил меня в парк аттракционов и кукольный театр, носил на руках, когда я уставала на прогулке.

В какой момент все это изменилось? Когда отца уволили, и он не смог найти работу, которая его полностью устраивала? Вакансия, которая бы соответствовала его запросам. Мама работала на двух работах, поэтому у него было время перебирать. Он еще и умудрялся ее упрекать в том, что она зарабатывает больше него. Учитывая, что зарабатывал он примерно… ничего, то, естественно нашу семью полностью тянула мама. Она даже работала, когда была беременна Мишей. И после. Я была уверена, что именно дикий график с ночными сменами, плюс постоянные пьянки отца, окончательно подорвали ее здоровье — однажды она просто не вернулась со смены.

Потирая запястье, я осторожно заглянула к Мише. Брат

конечно же проснулся, он у нас был известным жаворонком, и сидел на застеленной постели с моим стареньким планшетом.

— Доброе утро! — пожелала я. — Что делаешь?

— Читаю фэнтези, — ответил брат, поправляя очки. В мире, где все дети увлекаются короткими роликами, Миша читал фэнтези и смотрел двухчасовые документалки. Но он у нас всегда был умненьким, и я собиралась создать для него такие условия, в которых он сможет полностью раскрыть свой потенциал.

Миша покосился на мое запястье и нахмурился:

— Он опять распускает руки?

А я только сейчас заметила, что на коже уже начал наливаться синяк. На самом деле, нам еще повезло, что отец в своих запоях не увлекался побоями. Тем не менее он был здоровенным мужиком, который с бодуна не рассчитывал свою силу. Последний раз, когда он вот так схватил меня за руку, я заявила, что пойду в полицию и напишу на него заявление.

Хватило на полгода, а вчера, видимо, его так впечатлил мой внешний вид, что он снова забылся.

— Ему не понравилось мое новое платье.

— Ему ничего не нравится, кроме водки, — поморщился брат, а я тяжело вздохнула и села на постель рядом с ним. Запустила пальцы в золотые, как у меня, вихры.

— Потерпи немного, медвежонок, — попросила я. — Я

закончу универ, найду отличную работу с высокой зарплатой и сниму квартиру. И обязательно заберу тебя с собой. Обещаю.

Брат отложил планшет в сторону и порывисто меня обнял.

— Я подожду, — пообещал он, так же быстро отстранившись и краснея. Все-таки обнимашки для уже «взрослого» восьмилетнего парня — это не круто. А я сглотнула ком в горле. — Надо лед приложить.

— Приложу, все будет нормально.

У меня есть эластичный бинт, забинтую запястье. Не хватало еще, чтобы в универе увидели синяк.

Я улыбнулась и добавила:

— У нас все будет нормально.

Глава 7. Клим

Девчонка не выходила у меня из головы. Ладно бы только из верхней (которой я привык думать). Но думалось у меня сегодня исключительно о том, для чего требовалась нижняя, и это при том, что недостатка в сексе я никогда не испытывал. Благодаря этому, к слову, я никогда не относил себя к тому типу парней, которые как одержимые бабуины помешаны на сексе двадцать четыре на семь. Зачем быть помешанным, если ты можешь получить это в любое время, аккурат, когда захочется.

Но…

Но.

— Почему бухал как не в себя вчера я, а похмельная рожа у тебя? — поинтересовался Богдан, сидящий за столом.

Друг поморщился от яркого света и развернул стул так, чтобы солнце на него не попадало.

Я подвинул к нему стакан с шипучкой и допил свой кофе.

— Это философский вопрос.

— Да нет, это не философия, это реальность. И куда ты вчера пропал посреди веселья?

Я трахал Барби.

Я чуть было не сказал это вслух.

— Марина сказала, ты пялился на какую-то девчонку. По-

чему не пригласил ее к нам?

Потому что трахать ее на глазах у всех было бы странно.

Да, если бы я систематизировал свои мысли, сегодня их определенно можно было классифицировать, как мысли бабуина в период гона.

— Не вариант.

— Почему?

— Потому что я не хочу об этом говорить.

Потому что я вообще не должен был о ней думать. Потому что при следующей встрече я вообще должен был пройти мимо нее и не заметить. Правда, я искренне сомневался, что такую девчонку можно не заметить. Она наверняка привлекает все внимание в радиусе сотни километров, такая у нее бешеная энергетика.

Бешеная и безбашенная.

Ну то есть чтобы прийти к незнакомому парню в випку и дать ему, нужно обладать определенным процентом безбашенности. Видимо, ее бывший достал ее так, что мало не покажется.

При мысли об этом у меня снова испортилось настроение.

— Бо-оже, почему у тебя в доме никогда нет нормальной еды? — застонал Богдан.

— Нормальная еда — это пицца и бургеры?

— Господи, да! Не овсянка и сраные сырники с фруктами точно! Я чувствую себя как на приеме у английского лорда!

— Во-первых, сырники не сраные, их готовила Катерина.

Катерина — моя домработница, и готовит она отлично.

— А во-вторых, ты зануда. И что там такого с этой девчонкой, что ты не хочешь о ней говорить? — Богдан приподнял бровь, подперев подбородок ладонью.

Глаза у него закрывались, да и в целом друг выглядел так, как будто встал на завтрак не в двенадцать дня, а в двенадцать ночи.

— Не хочу, и все.

Потому что из-за этой девчонки я перешагнул через все свои принципы. Да я нахрен даже имени ее не знаю! Не говоря уже о том, что подружку Астаниной я послал при первых признаках, а эту… а эту трахнул и, судя по тому, что проснулся я сегодня с мыслью о цветочном запахе ее волос и стояком до потолка, я точно был не против повторить.

— Ладно, — сдался Богдан. — Дай виски, будь другом.

— Пей антипохмелин.

— Не хочу, меня от него тошнит.

— Могу предложить минералку.

Друг пробормотал что-то про меня, и в этой на удивление короткой фразе собралось столько нелицеприятных эпитетов, что их хватило бы на десятерых, залпом выпил шипучку и поморщился.

— Никогда больше не буду столько пить.

Я уже достаточно знал Богдана, чтобы понять, что в его случае «никогда» — это до следующего раза. Но еще я прекрасно понимал, что не мне читать ему нотации, не говоря

уже о том, что его здорово подкосила ситуация в семье.

Его мать узнала о том, что его отец ей изменяет, когда была беременна. Мы как раз тогда только поступили, и Богдан до самых новогодних праздников ходил как в воду опущенный. Учитывая то, что у его матери случился выкидыш на четвертом месяце, и что она сама чуть было не отправилась следом за его нерожденной сестрой из-за открывшегося кровотечения, это было понятно.

А потом начался настоящий треш, когда его родители начали делить имущество и поливать друг друга дерьмом, причем не только в пределах их квартиры. В это были вовлечены все родственники, все знакомые, мать пошла к каким-то местным крупным блогерам, чтобы предать дело огласке… Короче, херня была полная.

И до сих пор до меня долетали ее отголоски.

Богдан взъерошил темные волосы раскрытой пятерней и икнул.

— Все окей? — поинтересовался я.

— Ага.

Он снова икнул, а потом вскочил со стула и бросился в сторону ванной.

Я же поднялся и направился на балкон.

— Осталось доработать только посягательства на КИИ, — сказал завкаф и по совместительству мой научрук Розеткин. — В остальном все отлично.

Я кивнул.

В своей дипломной работе я не сомневался, равно как и в ее теме. Мне кажется, я ее знал еще до того, как поступил: меня всегда интересовала схема киберпреступлений, а поскольку контора отца как раз занималась обеспечением компьютерной безопасности, можно сказать, у меня не было вариантов.

«Преступления в сфере компьютерной информации», — именно так назывался мой диплом.

А доработать требовалось раздел неправомерного доступа к критической информационной инфраструктуре.

Попрощавшись с научным руководителем, я вышел с кафедры и направился на стоянку. Март принес долгожданное потепление и намеки на весну радовали, как никогда. Почему-то именно эта зима в моей жизни показалась мне самой долгой и затяжной, возможно, из-за разрыва с Мариной, а может, потому что несмотря на то, что я с самого детства знал, чем хочу заниматься, видел себя в этом, горел этим, я ощущал какую-то странную пустоту в душе.

Когда вроде как все правильно, но что-то все равно не так. Я не мог понять, что, и это бесило. Раздражало. Выводило из себя просто на раз. Потому что я привык, что в моем мире все упорядоченно (насколько это возможно при учете всех «черных лебедей»), есть четкий план, по которому я иду, есть этапы достижения цели, есть реализация.

Когда в это вмешивалась какая-то незапланированная пу-

стота, это напрягало.

С такой мыслью я вышел на парковку, направляясь к своему «Мустангу», когда услышал:

— Козлина!

Девчонка пацанского вида в джинсах и толстовке, поверх которой был надет серо-розовый дутик, подхватила с земли грязный комок снега и запустила им в парня. Тот присел настолько прытко, что впору позавидовать его реакции, но…

Комок грязи прилетел аккурат в стекло моей машины. И не просто прилетел, он его расколошматил. Вхлам.

Заверещала сигнализация, а все, кто тусил на парковке или на крыльце, как по команде обернулись.

Все это произошло быстро, как в экшеновом фильме. И даже в какой-то мере было смешно. Было бы…

Если бы это не была моя тачка. Тачка, на которую я, блядь, сам заработал (хотя многие считали иначе).

Девчонка посмотрела на машину.

Потом на меня.

А потом дала деру.

Я охренел настолько, что даже не сразу за ней побежал. А бегала она, надо отдать ей должное, быстро. Настолько быстро, что если бы я не бегал каждое утро с шестнадцати, мне вряд ли удалось бы ее догнать.

Она сиганула прямо в снег, потом поперек талой дорожки, взметнув грязные брызги и до кучи окатив мое светлое пальто грязью, и в этот момент я схватил ее за плечо.

— А ну стой!

— Пусти! — она рванулась, крутанулась, но я держал крепко.

— Ты охренела? — я подтащил ее к себе, заглядывая в глаза.

На ней не было ни капли макияжа, а этот взгляд показался мне смутно знакомым. Как и голос. Но мало ли, судя по тому, что она оказалась на территории универа, я мог раз десять видеть ее и не обращать внимания.

— Я не специально! Я думала, там грязь, а не камень!

— Это ты в полиции расскажешь.

— Мне нельзя в полицию! — пискнула она. — У меня брат…

— А у меня лапки, — хмыкнул я и потащил ее за собой.

Благодаря ей, мы оба изгваздались по уши. Пальто теперь спасет только химчистка, если вообще спасет.

— Пусти! — она снова задергалась. — Да пусти, Левицкий!

Да, мы точно виделись.

— Гребаный Серкан Болат!

Вот тут я охренел настолько, что пальцы у меня действительно разжались. Девчонка отскочила в сторону, тяжело дыша и глядя на меня, вцепившись в лямку своего рюкзака, как в спасательный круг.

А я смотрел на нее и охреневал с каждой секундой все больше.

Потому что ее внешность вообще не вязалась с той кукольной внешностью Барби. Но все-таки это была именно она.

Она же?

— Охренеть! — язвительно протянула девчонка. — Ты даже меня не запомнил.

Ну что я могу сказать… если бы не тачка, при встрече я бы действительно прошел мимо.

Потому что я ее не узнал.

Глава 8. Таня

Погода на улице радовала: снег тает, птицы поют, солнце уже греет вовсю. Даже история с Олегом как-то подразмылась в моей голове, и я шла в универ с отличным настроением. Даже положенные пары отсидела, старательно записывая лекции, и, в общем-то, никого не трогая. Маши сегодня не было, она написала, что простыла и отлеживается дома.

Я заставила себя не думать о случившемся. Ни о своих неудавшихся отношениях с Олегом, ни о том, как я ему «мстила» в випке с крашем универа. Причем мыслей о последнем почему-то было значительно больше. Я не знала, за что я злюсь на саму себя больше. За то что верила в серьезность намерений парня, который оказался просто гондоном, променявшим меня на более подходящую Светочку, или за то, не могла выбросить из головы Клима Левицкого.

Стоило мне вспомнить о нем, как по телу начинало струиться тепло, а меня саму бросало в жар. В голове то и дело крутились обрывки воспоминаний того, что произошло в клубе. Да у меня ни один секс с Олегом так не вспоминался! Чтобы до горящих щек и влажных трусиков. А ведь я считала, что у нас в постели все норм.

Но, как показала практика, Олег был сплошной ошибкой. С ним вообще ничего норм не было.

Спасибо, Левицкий, что избавил меня от тоски по бывше-

му! Еще бы ты сам убрался из моих мыслей и влажных фантазий, цены бы тебе не было в базарный день!

Потому что запасть на мажора — это худшее, что я могла сделать в собственной жизни. После отношений с Олегом, конечно же.

Поэтому я попыталась погрузиться в учебу, а после пар собиралась полностью отдаться работе. Меньше времени на мысли — меньше возможностей обнаружить в них Левицкого, который трахается как бог.

Ну вот, опять!

Я выбегала из универа так быстро, будто за мной гналась банда байкеров, и споткнулась на месте, заметив ярко-красный «мустанг» на парковке. Роскошная тачка Левицкого выделялась на фоне серебристо-серых и черно-белых машин попроще.

Каковы были шансы, что мы с ним столкнемся? Почти равны нулю. Но вот это «почти» меня нервировало больше всего. Хотя я должна спокойно ходить мимо мажора и тем более его тачки, во мне не было ни капли спокойствия. Наоборот, при виде «мустанга» у меня участился пульс.

Я залипла и пропустила момент появления Олега.

— Вот значит, как ты развлекаешься после нашего расставания! — зло бросил бывший мне в лицо вместо приветствия. — Трахаешься с мужиками в клубе!

Я моргнула. Потом еще раз. Но развидеть Олега не получалось. Он по-прежнему стоял передо мной в своей стиль-

ной куртке, которую всегда носил нараспашку, и темно-синих джинсах. Его волосы были привычно зачесаны назад. Раньше мне это казалось безумно сексуальным, но сейчас я словно посмотрела на бывшего другими глазами. Не замыленным взглядом влюбленной дуры, а как на незнакомца.

Он и был для меня сейчас незнакомцем, который предъявлял мне непонятные претензии.

— Что, прости? — поинтересовалась с сарказмом.

— Ты трахаешься… — попытался объявить на всю парковку бывший мои действия, но я его перебила:

— Олежка, — скопировала я тон и голос его интеллигентной до мозга костей мамочки, — а тебя оно ебет, кто теперь ебет меня? Или тебе напомнить, кто был инициатором нашего расставания?

Олег поморщился. У него всегда дергался глаз, когда я материлась, поэтому сейчас я испытала чувство удовлетворения от того, что сделала это нарочно.

— Ты не сильно долго переживала по поводу нашего разрыва. Сразу прыгнула в чужую койку!

— Ты за мной следишь?

Бывший яростно раздул ноздри.

— Я был там, и видел все своими глазами! Что к тебе клеился Левицкий, а потом ты побежала к нему в випку!

— Олег, ты меня бросил по телефону, — напомнила я придурку, — но решил заявить мне о моих моральных качествах в лицо?

— Ну и хорошо, что я тебя послал, Таня. Потому что мне не нужна девушка-шлюха!

Учитывая, что кроме Олега и одного раза с Левицким, я вообще ни с кем не спала, я почувствовала, что сейчас стою и обтекаю от тех помоев, которые на меня вылил этот мудак, который не работал ни одного дня в своей жизни.

Никогда не жрал месяцами одни макароны с подсолнечным маслом и дешевыми «целлофановыми» сосисками.

Никогда не боролся за место под солнцем.

Это было сильнее меня. Я собиралась просто уйти, я правда собиралась, но у Олега хватило мозгов кинуть мне в спину:

— Иди-иди, шлюшка! Тебе здесь не место!

Во мне будто взорвались все мои чувства, вся та боль, что я испытала по его вине.

Все это выплеснулось из меня. Я схватила с газона кусок грязного снега и с воплем:

— Козлина! — швырнула в него свой снаряд.

Бывший увернулся, а мой снежок оказался куском льда, который разбил «мустангу» стекло.

Но хуже всего было то, что в этот момент я встретилась глазами с вышедшим на парковку Левицким.

Если бы у меня кто-нибудь спросил, почему я пыталась сбежать, я бы, наверное, не смогла ответить ничего вразумительного. Убегать с места преступления, когда вокруг универ-

ра натыкано камер — ну такое себе. Но я когда увидела Левицкого собственной персоной, меня словно переклинило.

ПереКлимило, ага.

Ноги будто сами понесли меня прочь.

Правда, далеко я не убежала: он меня догнал и перехватил. Но самый шок оказался в том, что он меня не узнал.

Левицкий трахнул меня в клубе и действительно забыл. И если бы не Серкан Болат… В общем, я так хотела и одновременно боялась этой встречи, а на самом деле он меня даже не запомнил.

На языке появился металлический привкус, потому что я слишком сильно прикусила изнутри щеку, он смешался со вкусом горечи и ощущением разочарования. Не то чтобы я представляла, как мы встречаемся в коридоре университета, пересекаемся взглядами, как в сопливой дораме, но старательно делаем вид, что незнакомы. Выходит, Левицкому даже притворяться не нужно! У него сексамнезия.

Я яростно сжала кулаки, потому что захотелось кинуть чем-нибудь в него.

— Ты вообще не запоминаешь девушек, с которыми трахаешься? — поинтересовалась я.

Если до этого момента Левицкий рассматривал меня в замешательстве, то сейчас он прищурился.

— В этом нет необходимости, Барби. Но обычно я и не трахаю таких как ты.

Он прошелся по мне скептическим взглядом: от моих

волос с укладкой «высохли сами» до носков потрепанных кроссовок. У него словно на лице было написано: «Наверное, я сильно прибухнул, если принял *это* за богиню, достойную со мной трахаться». Ну да, в клубе я выглядела иначе. А еще говорят, что знаменитое «встречают по одежке» — это неправда.

Мои щеки вспыхнули, потому что это все было унизительно. Это раз. Левицкий, сам того не подозревая, ударил по моему больному месту, подтвердив, что я не пара таким мажорам. Олег бросил меня, потому что я ему не подхожу, а Левицкий даже не запомнил.

— Ну раз я тебе не подхожу, то я пойду, — прорычала я и даже развернулась, чтобы уйти. Обидно было капец. Чисто по-женски обидно.

Но на моем предплечье тут же словно наручники сжались сильные пальцы, от которых будто растеклись электрические разряды. Только это не было связано с возбуждением, просто моя задница почувствовала крупные неприятности.

— Куда? — удивительно спокойным тоном поинтересовался Левицкий. — Что совершенно точно, я запоминаю всех, кто портит мое имущество.

Он кивнул на пострадавший «мустанг», и я прикусила губу. Потому что, пока мы тут выясняли, что я ему не подхожу, я напрочь забыла про Олежку-дебила и про то, что разбила ему лобовое. Не Олежке, к сожалению, а «мустангу».

Левицкий подтащил меня к пострадавшей тачке на бук-

сире, словно боялся, что я вновь дам деру. Вокруг столпился народ, а вот Олег куда-то делся. Очевидно, зассал светиться рядом с Климовой тачкой, вдруг и его приплетут: все-таки камень предназначался ему, а не «мустангу».

Тем временем Левицкий осмотрел автомобиль, и с каждой минутой он хмурился больше и больше. Кажется, камень, который я с дуру приняла за снег, расколошматил не только лобовое, он еще и внутри салона что-то повредил.

— Можешь отпустить, я не буду пытаться сбежать, — пообещала я.

— Я не стану так рисковать, Барби. Так что давай свой паспорт.

Паспорт — это плохо. Это очень плохо.

Это жопа жопная.

— Зачем тебе мой паспорт?

— Чтобы ты ответила за хулиганство по всей строгости закона. — Он достал телефон. — Сейчас вызовем полицию, чтобы они все оформили. Судя по стоимости ущерба, это уже уголовка.

Внутри меня все похолодело.

Мне нельзя было в полицию. А уголовное дело — это не просто жопа. Это конец всему!

Я шагнула впритык к Левицкому и постаралась, чтобы мой голос тоже звучал спокойно, как у него. Получалось хреново.

— Мне нельзя в полицию. Меня лишат стипендии! Мо-

жет, договоримся? Я заплачу за ремонт!

— У тебя есть свободные двести тысяч? — поинтересовался мажор, впрочем, звонить ментам он не спешил.

— Сколько?! — рявкнула я. — Стекло не может стоить так дорого! Это же грабеж!

— Ты повредила не только стекло, — жестко напомнил Левицкий.

— Я выплачу, сколько скажешь. Возьму кредит. Все, что угодно, только не заявляй на меня в полицию!

Он смерил меня еще одним взглядом, а затем уточнил:

— Все, что угодно?

Глава 9. Таня

— Все, — подтвердила я. — Поехали в сервис, или куда там. Где оценят ущерб…

Левицкий перевел взгляд на собравшуюся толпу и поинтересовался:

— Что стоим? Представление закончилось, расходимся.

Я не успела облегченно выдохнуть, как он поднес смартфон к уху.

— Куда ты звонишь? — тут же обеспокоенно поинтересовалась я. — Мы же договорились…

Он посмотрел на меня уже фирменным взглядом сверху вниз, и мне захотелось пнуть его под коленку.

— Стой здесь, Барби, — приказал он. — Сдвинешься с места — буду это рассматривать как попытку улететь. И тогда мы точно продолжим в полиции.

Он охерел, или как?!

Левицкий отошел, а собравшиеся поглазеть на случившееся теперь глазели на меня. Часть из них разбежалась после «приказа» Левицкого, остальные рассредоточились по парковке группами побольше и поменьше, бурно обсуждая увиденное и периодически поглядывая в мою сторону. Как будто все еще надеялись, что мажор передумает и решит вызвать полицию.

Клим разговаривал достаточно долго, а когда вернулся, я уже дошла до той точки кипения, когда была готова на глупости.

Вроде той, чтобы послать его подальше и загреметь в полицию.

И что тогда будет с Мишей?

— Что теперь? — буркнула я.

— Теперь ждем.

— Кого?

— Твоего адвоката.

Я наградила его убийственным взглядом.

— Эвакуатор, — с непробиваемой физиономией заявил Левицкий. — Машину заберут в сервис, а потом мы поедем ко мне.

— В смысле — к тебе?

— Обсудить все, что произошло.

— Так давай обсудим сейчас!

— Я не намерен устраивать бесплатный цирк всему универу, а ты, как показала практика, не всегда справляешься с эмоциями.

Это он меня сейчас психованной назвал?

Я проглотила вертящиеся на языке слова, сложила руки на груди и отвернулась. Внутри все клокотало. Ну почему, почему изо всех машин универа на моем пути оказалась именно тачка Левицкого? С другой стороны, может, оно и к лучшему. Если бы тот ледяной кирпич угодил в лобешник ма-

миному Олеже, сдается мне, так просто я бы не отделалась.

А чем я вообще отделаюсь, к слову? Какой суммой?

— Просто скажи, сколько я тебе должна, и я пойду. — Я развернулась к нему и натолкнулась на его оценивающе-сканирующий взгляд. Как будто он прикидывал, какая от меня может быть польза.

— Скажу. Когда будем у меня.

— Но…

— Ты чем-то недовольна, Барби? Мы всегда можем вернуться к тому, от чего ушли, и позвонить в полицию.

Да чтоб он провалился!

Я раздула ноздри:

— Меня зовут Таня.

— Для меня ты теперь Барби.

— Окей, тогда я буду звать тебя Серкан. А еще лучше — Серя!

Я показала ему язык и отвернулась, когда его идеальное лицо наконец-то дрогнуло. Козел!

К счастью, эвакуатор приехал быстро, а следом за ним, так же быстро, такси бизнес-класса. Клим распахнул передо мной дверь, но я демонстративно обошла машину и села с другой стороны. Пусть идет в жопу!

Когда мы оказались в салоне, меня накрыло ароматом его парфюма, и мозги снова слегка сдвинулись не в ту сторону. Просто я вспомнила, как этот парфюм вплетался в наш секс, когда он был внутри меня, и мысленно дала себе пинка под

задницу. Вот из-за таких мыслей, Таня, ты сейчас здесь и оказалась. В смысле, в заднице. Потому что не стоило вестись на мажора в клубе, как одна из его бесчисленных девиц, имена которых он даже не запоминает.

Да что там имена! Их самих.

— Вас устраивает музыка? — поинтересовался водитель. — Температура в салоне?

Клим кивнул, а у меня окончательно испортилось настроение. Потому что я представила его девиц, их количество… и здрасьте приехали, я стала одной из них!

Супер, Таня. Молодец.

— Сделай лицо попроще, — посоветовал Левицкий.

— Оно у меня по жизни такое. Особенно когда я думаю, что теперь мне придется сдавать кучу анализов.

Он открыл рот, а я добавила:

— Судя по тому, что ты даже не запоминаешь девушек, которых трахаешь.

У Левицкого отвисла челюсть, и на этой оптимистичной ноте водитель тактично сделал музыку погромче. Но я не собиралась продолжать. Отвернулась к стеклу и принялась рассматривать проносящийся за окном город.

Я помнила его совсем другим. Когда на этой улице, например, еще росли деревья, которые потом вырубили. Когда ты маленький, все воспринимается совершенно иначе, и мир видится огромным-огромным, просто бескрайним. И мама с папой были другими, они любили друг друга, и все казалось

таким легким, таким простым… но потом, однажды, ты вырастаешь. Понимаешь, что приходится бороться за все, что имеешь, но даже при всем при этом ты не сможешь прыгнуть выше головы. Потому что там уже сидят такие, как Левицкий, как его родители, и иже с ними. И места в их жизни тебе совершенно точно нет.

Поэтому я совершенно не удивилась, когда мы с ним остановились рядом с одним из самых крутых ЖК нашего города, с закрытой территорией, огромной детской площадкой и небольшое парковой зоной внутри.

— Миленько, — сказала я, когда вышла из машины.

Левицкий не стал комментировать, просто приложил ключ к домофону, и нам сообщили механическим голосом: «Входите. Дверь открыта».

— И вам доброго дня, — пожелала я в пустоту и шагнула внутрь.

Мы прошли в один из подъездов с огромным холлом, поздоровались с консьержем, миловидной бабулей в очках, и поднялись на девятнадцатый этаж.

— Проходи, — сказал Клим, пропуская меня вперед, и я шагнула в огромную, залитую светом квартиру.

То, что она огромная, становилось понятно еще по входной зоне. Здесь не было узенького длинного коридорчика, как в нашей квартире, а еще ощущения, что стены сдвигаются так тесно из-за шкафа для верхней одежды. Здесь вообще не было шкафов, здесь была гардеробная и пространства

столько, что можно было прямо перед зеркалом гардеробной ниши проводить танцевальные трени.

За моей спиной щелкнул замок, и я вернулась в реальность.

— Все, мы у тебя дома, давай озвучивай цену, и я пойду.

— А никто и не говорил про цену, Барби. — Он поймал меня за капюшон, когда я сделала шаг вперед, чтобы оказаться подальше от него. — Кроссовки снимай прямо здесь.

— Душносеря, — не осталась в долгу я, хотя кроссовки сняла. Тут же почувствовала под ногами теплый пол, потому что плитка сквозь тонкие носки не холодила, а приятно согревала.

Левицкий вздернул бровь.

— Так что там про цену?

— Мне не нужны твои деньги.

Опаньки. С одной стороны, для меня это хорошая новость. С другой…

— Тогда что?

— Будешь у меня убираться.

— Чего-о-о-о?!

— Того. Будешь у меня убираться в квартире. Два месяца.

Я заморгала на него, как на умалишенного.

— Убираться? Рили? Да у тебя тут все блестит!

Левицкий открыл дверцу гардероба и повесил пальто на вешалку, поморщившись, когда увидел снизу черные пятна.

— Блестит, потому что тут хорошо убираются.

— Тогда зачем тебя я?!

— Чтобы блестело еще сильнее.

Это просто полный сюр!

— У меня нет времени…

— У тебя нет времени, у тебя нет денег, тебе нельзя в полицию. Так чего у тебя нет больше, и как мы все-таки будем решать этот вопрос? — Он повернулся и посмотрел на меня в упор.

Я сунула руки в карманы.

— Вот зачем тебе это, а? У тебя же явно есть домработница!

— Потому что я так хочу.

Нормально.

— Два месяца уборки — и ты больше не имеешь ко мне никаких претензий?

— Никаких, — подтвердил он.

Я старалась не смотреть в вырез его рубашки, куда убегали какие-то тонкие цепочки, придающие его образу что-то бунтарское. Как и кожаный браслет-напульсник. И вообще, с какой радости я на него пялюсь?!

Мне нельзя на него пялиться. Нельзя вдыхать его аромат. Вообще!

Никак!

— И ты привез меня сюда, чтобы я сегодня здесь убиралась?

Левицкий хмыкнул:

— Нет, чтобы заключить договор.

— Договор?

— Или ты думала, что я поверю тебе на слово?

Я захотела кинуть в него кроссовкой. Но я сегодня уже накидалась на два месяца исправительных работ в обществе этого… этого. Надеюсь, он не будет мозолить мне глаза, когда я буду мыть его золотой писсуар.

При мысли о золотом писсуаре у меня перед глазами встал… в общем, то, что может встать и отлично встает у Левицкого.

Ой, все!

— Камон, какой мне смысл тебя обманывать?

— Камон, я учусь на юридическом. И ты тоже. Вопрос сам по себе странный, не находишь?

С другой стороны, он прав. Это не только для него, это и для меня тоже.

— Окей, тогда ты пропишешь в нем, что не имеешь ко мне претензий.

— Что не буду иметь к тебе претензий после двух месяцев *качественной*, — Левицкий выделил последнее слово, — уборки. Проходи.

— Куда? — уточнила я.

— На кухню. Лично у меня сейчас по расписанию обед.

Глава 10. Таня

Он кивнул мне в сторону большой комнаты, которую заливало яркое весеннее солнце. А ламинат из светлого дерева, белоснежные стены и мебель сливочного оттенка словно делали гостиную еще больше. Я почему-то думала, что дизайн мужских квартир — это темные цвета и мрачность, но в квартире Левицкого я почувствовала себя как в тех фильмах про инопланетные корабли: все белое и стерильное. Исключение составляла огромная абстрактная картина в центре стены с алыми разводами, ярко-красные подушки на длинном диване в центре и ваза из красного стекла. Ну еще черный экран ультратонкого телевизора, висевшего на стене между окном и выходом на балкон.

— Ты случайно не маньяк? — поинтересовалась я, старательно обходя ковер, тоже белый. Я утром надела чистые носки, но уже не была уверена в их чистоте. — У тебя здесь чище, чем в операционной!

Левицкий привел меня в кухонную зону, распахнул дверь двухстворчатого холодильника и достал оттуда еду в стеклянных контейнерах. На этой кухне можно было снимать кулинарный блог, потому что помимо рабочих поверхностей в форме буквы «Г» в центре стоял широкий стол с раковиной.

Раковина в центре кухни! А-а-а!

До этого дня я видела такое только в кино.

— Во-первых, стремление к чистоте — не диагноз, у меня просто аллергия на бытовую пыль. Во-вторых, мне не придется объяснять тебе, какой я хочу видеть собственную квартиру, сегодня ты увидела эталон уборки.

Левицкий нажал на какую-то панель, которая отъехала вверх, давая доступ к микроволновке. Поставил контейнер туда, накрыл его крышкой и выставил время.

Что там Олег говорил про то, что мы с ним не пара? Сейчас я окончательно поняла, что могу удалить все фантазии о Левицком с оперативки собственного мозга. Потому что он был словно из другой Вселенной, до которой мне лететь сотни световых лет.

Кажется, тема инопланетян не раскрыта!

— А если у меня не получится? Я не шучу. Вдруг я недостаточно чисто уберусь? Тогда что?

— В твоих же интересах, Барби, выполнять свою часть договора на отлично. Иначе я решу, что ты хочешь… откосить.

Под его пристальным чуть ли не прокурорским взглядом я нервно сглотнула, потому что мелькала у меня такая мысль в голове.

— Таня, — напомнила я, усаживаясь за барный стул. — Ну какая из меня Барби?

— И то правда, — легко согласился Левицкий. — У тебя есть нормальная одежда для уборки? Или тебе ее предоставить?

— С короткой юбкой и белым чепчиком? — заржала я. — И будешь смотреть, как я убираюсь? Серьезно, Левицкий, я на такое не подпишусь!

Мажор поморщился.

— Я что, похож на пенсионера, который дрочит на горничных? Хотя, если это твой горячая фантазия, могу устроить.

— Дрочку? — Я чуть со стула не упала, а мои щеки обожгло.

— Наряд горничной, — хмыкнул он. — Чтобы тебе было легче влиться в роль.

Звякнула микроволновка, сообщая о том, что его обед достиг нужной кондиции. Левицкий достал контейнер и разложил его содержимое на две тарелки. Одну из которых подвинул ко мне.

Это было мясо с тушеными овощами, и пахло оно одуряюще. Учитывая, что завтракала я как обычно кефиром и овсянкой, то у меня чуть ли не потекли слюни.

Но я даже не притронулась к вилке.

— Я тут не в театр на роль пробуюсь, а хочу разобраться со своим долгом.

— Не привыкла расплачиваться уборкой?

Намек был более чем прозрачным, и я вскипела.

— Я привыкла расплачиваться деньгами, — прошипела я. — Зарабатывать их на работе и покупать все, что мне нужно. Думай, что хочешь, но я не собираюсь расплачиваться сек-

сом. Ни с тобой, ни с кем-либо.

— Потому что привыкла трахаться бесплатно?

У меня зачесались руки еще чем-нибудь кинуть. В него. Но я вспомнила собственный опыт с «мустангом», и поняла, что сначала стоит потренироваться в меткости.

Поэтому я процедила:

— Нашей сделке конец. — развернулась и направилась на выход. — Пиши заявление, делай, что хочешь.

Правда, далеко не ушла, Клим догнал меня раньше, чем я успела сбежать с кухни. Схватил за руку, развернул к себе и впечатал меня в край стола.

— А как же стипендия? — поинтересовался он, а я толкнула его ладонями в грудь.

Левицкий перехватил мои руки и припечатал к столу с обеих сторон. Из-за чего наши лица оказались в недопустимой близости.

— Тебя ее лишат, если я напишу на тебя заявление, — жестко напомнил он.

— Знаешь, почему я разбила стекло твоей тачки? — спросила я на удивление спокойным голосом, хотя все во мне клокотало, а израненная гордость требовала реванша. — Потому что мой бывший назвал меня шлюхой после того, как увидел меня в клубе после нашего с тобой траха. За это я кинула в него камнем, а попала в твой «мустанг». Потому что да, я трахаюсь бесплатно, но только с теми, кого выбираю сама!

На последнем моя выдержка дала сбой, и я яростно забилась в его руках.

— Стой! — зарычал на меня Левицкий, когда я отдавила ему ногу. — Успокойся!

Когда у него не получилось меня удержать, он просто подхватил меня за талию и опрокинул на столешницу. А я обалдела от такого поворота.

— Успокойся, Таня, — повторил он, склонившись надо мной. Он впервые назвал меня по имени, и от этого я обалдела еще больше. — Прости, — бросил он так, словно не привык извиняться. Хотя, наверное, действительно не привык. — Перегнул. Больше никаких намеков. Считай, что ты прошла проверку. Мне не нужна горничная легкого поведения.

— Ты все-таки псих! — процедила я.

— На самом деле, у меня есть справка, что нет, — усмехнулся Клим и кивнул мне на еду. — Голодная?

— Есть немного, — пожала я плечами. — Но я за то, чтобы покончить с этим как можно скорее. Иначе я опоздаю на работу.

Мажор подал мне руку, но я ее не приняла: самостоятельно спрыгнула со стола и подумала, что из-за всех этих телодвижений действительно не успею поесть. Поэтому запихнула гордость куда подальше и подвинула к себе тарелку.

Нормальная домашняя еда была недопустимой роскошью в моем рационе после смерти мамы, а мясо просто таяло на языке. Так, что я готова была замурчать от блаженства.

— Надеюсь, готовить мне не придется? — поинтересовалась с надеждой. — Верх моего кулинарного искусства — пельмени из магазина и макароны с кетчупом и сосисками-осьминогами.

— Осьминогами? — поперхнулся Левицкий.

— Не с настоящими, которые за много денег, — заржала я. — Это когда сосиску разрезаешь с одной стороны на четыре части, получается осьминог.

Я почувствовала себя крайне глупо, объясняя мажору такие простые вещи, и отодвинула тарелку.

— Давай заключим договор, и я пойду.

Левицкий сходил за ноутбуком, составил договор и распечатал на принтере.

Несмотря на то, что время поджимало, я скрупулезно изучила каждый пункт.

К счастью, с меня требовалась лишь уборка, никакой готовки. Но уборку мажор требовал ежедневную: мытье окон, ванной, смена постельного и все в таком роде.

Мне нельзя было приглашать кого-либо в его квартиру. Нельзя было пропускать дни. Он даже добавил пункт на тему болезни: если вдруг я схвачу грипп или сломаю руку, моя работа просто перенесется на время, когда я полностью выздоровею. Я должна была отработать ровно шестьдесят дней.

По выполнению всех условий, Левицкий отпускал меня с миром и больше не имел ко мне никаких претензий.

Договор был простым и прозрачным, и расторгался, если

одна из сторон нарушала указанные в нем пункты. То есть, если я буду прогуливать, то мажор вправе на меня заявить. Так же Левицкий не имел права заставлять меня делать что-либо помимо моих обязанностей по договору: если он будет злоупотреблять своими начальственными привилегиями, то я получу право расторгнуть договор в одностороннем порядке, и ничего не буду ему должна.

Поэтому я тяжело вздохнула и все же поставила собственную подпись.

Левицкий тоже размашисто расписался и сказал:

— Придешь завтра в три. Не опаздывай. И насчет одежды…

— У меня есть спортивный костюм, — перебила его я и направилась к выходу из квартиры.

Уже в лифте задним числом в голову пришла мысль: что я вообще творю? Я буду убирать хату Левицкого шестьдесят дней! Придется что-то делать со сменами и тренировками.

Но я тут же напомнила себе, что я отделалась малой кровью. Оставалось надеяться на то, что это действительно так, и я не прибью мажора в процессе своих «общественных работ».

Глава 11. Клим

После ухода урагана по имени Таня в квартире стало на удивление тихо. Спокойно. И как-то… скучно. Обычно я наслаждался одиночеством — в те недолгие и редкие моменты, когда мне не надо было общаться на работе, в университете или в принципе взаимодействовать с кем бы то ни было, я кайфовал у себя дома. То есть просто отключался ото всего, иногда слушал музыку, иногда смотрел кино, иногда просто ничего не делал — своеобразная перезагрузка нужна всем.

Но почему-то именно после ее ухода тишина раздражала.

А еще впервые за долгое время я сам себя раздражал.

Потому что обычно я не общаюсь с девчонками в таком ключе. Я не заставляю их становиться горничными. И уж точно у меня не срывает крышу от несуразных девиц в толстовках, которые кидаются грязью в своих бывших и едят осьминогов из сосисок.

В клубе все хотя бы было понятно: там было на что западать. А здесь? Рост полтора метра с кепкой (буквально), бесформенная одежда, которую я всегда считал верхом неухоженности, особенно для девчонок. И глазищи на пол-лица. Огромные, голубые.

Да ну нафиг.

«Поехали в клуб», — написал я Богдану.

Он тут же меня набрал.

— В клуб? Посреди недели? Рили? Там в тебя тоже камнем прилетело, а не только в твою лошадку?

Я поморщился.

— Ты откуда уже знаешь?

— Марина написала.

А Марина откуда знает?

Вопрос был риторический, поэтому я его и не задал: ее бести Аля училась в нашем универе. Собственно, так мы и познакомились. Похоже, об этом знает весь универ, как и о том, что я утащил расколошматившую мне стекло хулиганку с собой в такси.

М-да.

— Так что насчет клуба?

— Я-то хоть сейчас, — фыркнул Богдан. — А вот с тобой что случилось? Из-за тачки расстроился?

— Делать мне больше нечего.

— Тогда что?

Лучше бы он думал, что я расстроился из-за тачки. Я опять на себя разозлился, потому что клуб посреди недели — это вообще не моя тема. Да и в принципе клубы — не моя тема, я не любитель, для меня это больше светская вылазка раз в полтора-два месяца, когда все готовы и собираются вместе.

— Весна, гормоны, — ответил я.

— А-а-а-а! Решил все-таки завести себе девушку?! — об-

радовался друг. — Тогда я в деле. Марине напишу, может, она тоже захочет пойти. У меня-то теперь с холостяцкой жизнью покончено.

Я не стал говорить, что Марина — не тот вариант, с которым стоит заканчивать с холостяцкой жизнью. Во-первых, потому что это реально не мое дело. Во-вторых, может это у меня с ней не срослось, а у Богдана все получится. Есть же такие люди, которые категорически совпадают, как кусочки пазла.

Чпок — и сложились.

Стоило мне подумать про «чпок», как в голову опять пришла Таня. На Барби она реально не тянула, от слова совсем: по крайней мере, в том виде, в каком я увидел ее сегодня.

Но проблема заключалась в том, что я видел ее и другой.

Или нет? Потому что когда я зажал ее сегодня между столом и своим телом, моему члену было совершенно все равно, что она выглядит как пацанчик из Бирюлево.

Да твою ж мать!

— Тогда к десяти подтягивайся, — сказал я. — Ну или подтягивайтесь.

— Окей.

Я нажал отбой и пошел загружать посуду в посудомойку. Хотя по-хорошему, надо было заставить это делать ее. Она же у меня теперь горничная…

Какой бред!

В этот момент я вспомнил, что надо бы сообщить Кате-

рине, что она временно у меня не убирается, но решил отложить разговор до личной встречи. Еще перепугается, подумает, что я ее увольняю, а у меня просто… бирюлевский форс-мажор местного розлива.

Тряхнув головой, я стянул водолазку через голову и пошел в душ. Это именно то, что мне сейчас было нужно — душ. Ледяной. А лучше ванна со льдом.

Вообще-то планов заводить девушку у меня не было, но Богдан (с тех пор, как у него началось «все серьезно» с Мариной) упорно пытался найти мне пару, чтобы мы могли тусоваться все вместе. По сути, я реально сейчас остался единственным в нашей тусовке без пары, на что мне было плевать. А Богдану — нет.

— Вон та брюнеточка вроде ничего так, — Богдан ткнул похищенной из коктейля Марины трубочкой в девчонку на танцполе.

На этот раз мы не стали снимать ВИПку, сели в общем зале. Марина отошла «попудрить носик», а Богдан активировал режим охоты.

Я перевел взгляд на девушку, двигающуюся в свете стробоскопов, и понял, что да, раньше это могло бы сработать. Но сейчас мои взгляды упорно притягивали светловолосые девушки, как будто после той ночи внутри меня щелкнул какой-то тумблер переключения интересов.

Меня никогда раньше не интересовали глазастые блон-

динки, скорее, меня привлекала нестандартная внешность. Хотя, если уж говорить откровенно, Таню стандартной нельзя было назвать, даже когда она была Барби.

— Ты где завис?

— Думал о глазастых блондинках, — на автопилоте выдал я.

— Ты хотел сказать, о грудастых?

Я перевел взгляд на друга, и Богдан заржал.

— Ладно, ладно, — произнес он. — Но ты же вроде никогда на них не смотрел. Давай тогда тебе блондиночку подберем…

— Угомонись!

— Скучали без меня, мальчики? — вернувшаяся Марина уселась на диванчик между мной и Богданом, как будто случайно коснувшись моего бедра коленом.

Я бросил на нее предупреждающий взгляд, и она, раздув ноздри, отвернулась и обвила руками плечи своего парня.

Это было к лучшему: Богдан отвлекся от нее и забыл про меня, запуская пальцы в ее волосы, а я получил передышку от того самого непрекращающегося общения и возможность получше рассмотреть танцующих.

Ни одна из девчонок не двигалась так, как она.

Или это было абсолютное помешательство, или полный крышеснос, потому что в каждой танцующей блондинке я искал Барби-Таню. Барбитаню.

Искал и не находил. Потому что…

Потому что у меня переклин, вот почему. И с этим надо что-то делать. Как минимум до завтра, до момента, когда она придет ко мне убираться, а лучше — прямо сейчас.

Я поднялся из-за столика так резко, что чудом не опрокинул стакан с виски.

— Эй, — оторвался от поцелуев с Мариной Богдан. — Ты куда?

— Знакомиться.

— О-о-о-о! Кто она?

Я махнул рукой и направился на танцпол. Об этом мало кто знал, но до десяти лет я занимался бальными танцами, поэтому абсолютно не уважал современные. К сожалению или к счастью, я сломал ногу, не смог участвовать в соревнованиях, упустил время и желание, а потом вообще ушел в восточные единоборства. Но двигаться я умел, хотя и не любил это показывать.

Сейчас же вокруг меня мигом собрались девушки, у которых явно тоже были весна и гормоны. Я двигался на автопилоте, чувствуя на себе жадные взгляды, но внутри было пусто. Ритм бил по ушам, чьи-то руки пытались коснуться моих плеч, кто-то томно улыбался, заглядывая в глаза. Но магия не срабатывала.

В каждой я видел лишь искаженную копию. Слишком высокая, слишком тюнингованная, слишком... не она. Тумблер внутри не просто щелкнул, его заклинило в одном положении.

Я развернулся и пошел прочь с танцпола, игнорируя всех, кто остался за спиной. Бесполезно. Знакомиться я буду завтра. Со шваброй, моющими средствами и единственной блондинкой, которая умудрилась взломать мою систему, даже не пытаясь этого сделать.

Диагноз: острая барбитания. Лечению в условиях ночного клуба не подлежит.

Глава 12. Таня

В студию я не опоздала только благодаря тому, что дом Левицкого находился в центре, а работала я тоже в центре. Конечно, пришлось вызывать такси, и переодевалась я как сотрудник МЧС во время пожара, но в зал влетела за пару минут до начала занятий.

— Привет, мои любимки! — поприветствовала своих учеников. — Как ваше настроение? Сегодня разберем продолжение связки…

Студия «Пульс» располагалась на верхнем этаже бывшего завода. Год назад эти развалины отреставрировали и превратили в пространство из лофтов и залов. Студия «отхватила» себе самое крутое место, ее окна выходили на реку, и летом здесь были просто обалденные закаты, которые отражались в зеркальной стене.

Я работала здесь с самого дня открытия и искренне радовалась, что могу совмещать учебу в университете с любимым занятием, которое приносит мне относительно стабильный доход.

Относительно, потому что последние дни доказывали мне, что в мире никакой стабильности не существует.

Это просто фейк.

Сегодня у тебя есть парень, а завтра ты без парня и изоб-

ражаешь рабыню мажора! Рабыню, потому что он даже тебе за это не заплатит!

Ты уже расплатилась своей наивностью и несдержанностью!

— Ты сегодня в ударе, — посмеялась наша администратор, Нина, когда я провожаю учеников до стойки. На занятия пришли двое новичков, и я отвечала на все их вопросы и предлагала приобрести абонементы — все стандартно. С купленных абонементов мне тоже капал процент.

— Вытанцовываю свою ярость, — подмигнула я ей. — Алина Алексеевна сегодня будет?

— Да, у нее индив в семь.

Я провела несколько занятий (сегодня у меня дневные подростковые группы) и дождалась нашего директора, чтобы сказать ей, что хочу немного изменить график. Это, кстати, была нормальная тема, потому что многие хореографы, девчонки и парни, совмещали преподавание в «Пульсе» с учебой или основной работой. Но в этот раз Алина мне не то чтобы отказала…

— Мы уже составили график, Тань. Со следующего месяца, пожалуйста, но сейчас я не могу поставить тебе все вечерние. Разве что кто-то заменит тебя на дневных.

И лишит меня дохода? Нет, спасибо!

Я отказалась и решила, что, если Левицкому так важны мои отработки, пусть не ворчит, если я буду приходить к нему после работы, а не вместо.

К счастью, на следующий день у меня были только индивидуальные занятия поздно вечером, так что сразу после универа я поехала к Левицкому. Захватила с собой чистый спортивный костюм и запасные носки, и пока лифт нес меня на девятнадцатый этаж, на калькуляторе посчитала, сколько мне «платили» за одну уборку.

Выходило чуть больше трех косарей.

В общем-то, не жирно для таких хором, как у Левицкого, но, учитывая, что мне нужно всего лишь поддерживать его идеальный порядок, то сильно напрягаться мне вряд ли придется.

К моему удивлению, меня встретил не сам Левицкий, а приятная светловолосая женщина в возрасте. Первой в голову пришла мысль, что я столкнулась с мамой мажора, но она представилась:

— Меня зовут Екатерина. Я домработница Клима. Он попросил вам здесь все показать.

— Таня. И как часто у него убирается кто-то еще? — поинтересовалась я. Мало ли, может, Левицкий действительно какой-то фетишист, и у него тут парад из девиц-горничных.

— На моей памяти, еще никто не убирался, Таня, — рассмеялась Екатерина. — Только я.

Домработница отвела меня в подсобку с бытовой техникой, инвентарем и моющими средствами, и принялась объяснять:

— Вот здесь пылесосы. Этот для пола, этот моющий для

мягкой мебели…

Примерно через пять минут моя голова стала квадратной от количества нюансов по уборке, которые она вывалила на меня. Когда я училась в школе, то брала подработку и тоже убиралась в квартирах. В обычных, не в таких роскошных. От меня тогда требовалось отчистить духовку после запекания в ней курицы-гриль, помыть холодильник и полы. Здесь же было бытовой химии столько и для всего, что в какой-то момент я поняла, что стоило сохранить все в заметках. Или записывать слова Екатерины на диктофон!

— Не пугайся, — вновь рассмеялась женщина, заметив мой шок. — Я все равно буду приходить и готовить для Клима. Если что-то забудешь, всегда сможешь у меня спросить.

Я с облегчением кивнула. Екатерина ушла, а я взялась за уборку. Ну как взялась? Переоделась и скачала себе приложение для робота-пылесоса. Он у Левицкого оказался каким-то жутко дорогим и мощным. Я вооружилась тряпкой и протерла все поверхности, а затем уселась на диван, чтобы не мешать Роберту (так я назвала робот-пылесос) нормально убирать полы.

Тишина в квартире Левицкого действовала мне на нервы, поэтому я притащила из прихожей свой рюкзак, натянула наушники и врубила любимый плейлист для учебы. Потом вытащила методичку и принялась делать домашку.

Приложение показало, что Роберту потребуется час на то, чтобы убрать мажорские хоромы, и я достала из рюкзака куп-

ленную для перекуса упаковку с чипсами.

В общем, сидела я, хрустела, следила за роботом, пока вдруг кто-то рывком не сдернул с меня наушники.

Я задрала голову и увидела нависшего надо мной злого Левицкого.

— Ты что творишь? — прорычал он мне в лицо.

— Э-м-м, — подвисла я. — Убираюсь? — почему-то это прозвучало вопросительно, словно я уже сомневалась в собственной адекватности. Или в его адекватности.

— А я думаю, что ты ешь чипсы с паприкой на моем диване!

В этот самый момент я, видимо, крепче сжала чипсину пальцами, потому что она переломилась на две части и спланировала аккурат на белоснежный диван. И да, чипсы действительно были с паприкой, поэтому приправа красиво рассыпалась по текстилю.

У Левицкого задергался глаз, и я поспешила его успокоить:

— Слушай, я все уберу и почищу! Екатерина мне все показала, у тебя есть моющий пылесос для мебели.

— А до этого ты что делала?

Я ткнула пальцем в катающегося Роберта:

— Ждала, пока он выполнит свою часть работы, и устроила себе перекус. — Я нахмурилась. — Левицкий, я понимаю, что я у тебя в рабстве, но мне же нужно когда-нибудь есть?

— На моем диване?

— Ну что ты заладил? Диван-диван, с ним все будет окей. Я его почищу, будет как новенький.

Я попыталась отобрать у него свои наушники, но он шагнул в сторону, выхватил у меня чипсы и направился в сторону кухонной зоны.

— Эй, — взвилась я с дивана. — Ты охренел?

А на моменте, когда мои чипсы буквально улетели в мусорку под раковиной, я вообще обалдела.

— Ты в курсе, что это был мой обед?

— Эта дрянь не может быть нормальным обедом, — заявил он высокомерно. — Если хочешь поесть, просто возьми настоящую еду из холодильника.

Мажор распахнул холодильник и кивнул подошедшей мне:

— Надеюсь, ты умеешь пользоваться микроволновкой? Разогрей еду для нас двоих.

— Я не собираюсь есть твою еду. Ты мне потом проценты начислишь…

Я еще в прошлый раз видела содержимое его холодильника: Левицкий питался лучше, чем в ресторане.

— Это не предложение, — отрезал он. — Это приказ рабовладельца. Я вернусь через десять минут.

А я скрипнула зубами и достала контейнеры с бумажечками «среда, обед». Хмыкнула, когда увидела, что это запеченные картофельные дольки с котлетами. Все-таки картош-

ка у меня сегодня будет.

Я разложила все по тарелкам, а затем погрела в микроволновке. И даже протерла ее после, чтобы Левицкий больше не пыхтел. Этот душнила действительно вернулся через десять минут, с мокрыми волосами после душа, одетый в черную футболку и свободные штаны.

Я ела по привычке быстро, а еще торопилась, потому что Левицкий во время обеда сидел рядом и до меня доносился мускусный аромат геля для душа, смешанный с его природным запахом мужика. Блин, ко мне на занятия и парни приходят, я знаю, как они пахнут! Но мажор даже здесь выделился и пах как-то иначе.

Приятно.

Настолько приятно, что мне хотелось податься к нему и втянуть носом этот аромат.

Но я тут же себе напоминала, что у нас как бы совсем другие отношения. Он мой рабовладелец, о чем Левицкий умудрился мне напомнить буквально в конце обеда, когда я спросила у него насчет кофе.

— Полностью почистишь диван, загрузишь посуду в микроволновку, приберешься в ванной и тогда получишь кофе с печеньем.

— Я тебе что, собака? — прошипела я.

— Не хочешь печенье? — хмыкнул мажор. — Домашнее. Екатерина сама печет.

— Хочу, — мрачно призналась я. Сладкое было моим

криптонитом.

И поплелась трудиться.

Левицкий меня не обманул, лично сварил кофе, когда я в поте лица заканчивала надраивать душевую кабину. Правда, сам ушел в спальню, но на столе я обнаружила чашку горячего и вкуснейшего капучино с песочным печеньем. Рядом лежали мои наушники.

Помыв чашку с тарелкой, я нашла Левицкого во второй комнате, которая, очевидно, была его кабинетом. Тут был удобный диван и широкий письменный стол с навороченным креслом.

— Спасибо за кофе и обед, — поблагодарила я, а мажор лишь вздернул бровь, оторвавшись от работы за монитором. — Обещаю больше не осквернять собой твой диван!

— Для еды есть стол. Ешь нормально, мне не нужно, чтобы ты свалилась здесь в голодный обморок.

Почему он делает что-то хорошее, а затем тут же все это хорошее перечеркивает?

— Да-да, — закивала я и спросила: — Я могу приходить в другое время? Например, вечером? Дело в том, что у меня занятия с трех-четырех…

— Во сколько?

— В три-четыре, — повторила я.

— Во сколько ты будешь приходить ко мне? — с раздражением пояснил.

— В шесть тридцать, максимум, в семь.

— Окей.

Левицкий снова вернулся к монитору, а я поняла, что больше обсуждать нам нечего, и поплелась на выход.

На следующий день я приехала к нему уже вечером. И меня встречал уже сам Левицкий, который тут же ушел в кабинет.

Благодаря моим вчерашним манипуляциям, диван едва ли не сиял в закатных лучах. В мажорской квартире вообще было непозволительно чисто, и у меня был вариант отправиться к нему в спальню или помыть окна. По крайней мере, начать их мыть. И, конечно, я выбрала окна. Они как раз требовали обновления.

Притащила стремянку, потому что и потолки, и окна в новостройке были высокими, и весь набор средств с тряпками. Распахнула широкую створку и присвистнула, потому что девятнадцатый этаж оказался довольно далеко от земли, и ветер здесь был сильный.

Поначалу все шло хорошо. Я вполне успешно промыла и протерла насухо два окна и взялась за третье, балансируя на верхней ступеньке складной лестницы. Мне, как обычно, немного не хватало роста. Но в этот момент за моей спиной раздалось мужское рычание:

— Что ты творишь?

Я с перепугу закачалась и поняла, что сейчас улечу в открытое окно. Говорят, в такие моменты жизнь проносится перед глазами, но моя так сделать не успела.

Сильные руки перехватили меня за талию, стащили со стремянки и развернули лицом к яростно раздувающему ноздри Левицкому. Опять двадцать пять!

— Что теперь не так? — поинтересовалась я, пытаясь отдышаться.

Причем я была не уверена, чего больше напугалась: того, что чуть не полетела вниз, или того, как сильно у меня бегут мурашки по всему телу, от того, что он до сих пор крепко прижимает меня к своей груди. И вновь пахнет проклятым мускусом!

Глава 13. Клим

Вообще-то мы с ней не должны были пересекаться. Точнее, должны были пересекаться по минимуму: я пришел — она ушла. Но в случае с Барбитаней все шло совершенно не по плану.

Сначала я увидел, как она. Ест. Чипсы. На моем. Диване!

Чипсы! С паприкой!

Как такое вообще могло прийти в голову человеку, который учится на юридическом? В смысле, там же мозги нужны! Ну предположим.

Но на следующий день она залезла на стремянку и начала мыть окна. Девятнадцатый этаж конечно не сотый, и даже не шестидесятый, как в какой-нибудь из высоток Сити (к счастью, там окна не открываются), но все равно достаточно.

— Какого. Хрена?! — рявкнул я, отцепив ее от себя, потому что на инстинктах так вдавил в тело, что Клим-младший обрадовался такому развитию событий. Но мне было не до него. — У тебя вообще мозгов нет?!

— Я отлично справлялась!

— Отлично она справлялась! — зарычал я. — А потом мне нужно будет объяснять ментам, почему ты выпала из моего окна! От тебя одни проблемы, твою мать!

Она швырнула в меня тряпкой, относительно чистой, надо сказать, чем выбесила еще больше:

— Да пошел ты, Левицкий! — и развернулась, чтобы уйти.

— Куда собралась?! — Я перехватил ее за руку.

— Так от меня же одни проблемы! — огрызнулась она.

— Ну так постарайся их больше не создавать, — я отлепил тряпку от рубашки и сунул ей в руки. — И не вздумай больше мыть окна, этим займутся другие.

— Кто, например, Катерина? То есть если она выпадет, тебе с ментами объясняться не придется?!

Я почувствовал, как внутри рождается нечто первобытное. Совершенно нелогичное: потому что от желания выставить ее из квартиры до желания зажать у стены и оттрахать оставалась малюсенькая, крохотная ниточка моей выдержки, которая сейчас моталась туда-сюда, как билбород на ураганном ветру.

— Есть такая фигня, — я сжал зубы, — называется промышленный альпинизм, слышала? Там специально обученные люди со специальным оборудованием моют окна на большой высоте. И никому не создают проблем.

Девчонка раздула ноздри:

— Если ты еще раз назовешь меня проблемой, проблемы будут у тебя!

— Да, это какие же, например?

— Назови — и узнаешь!

Я открыл было рот… и тут же его закрыл. Она выводила меня из себя просто на раз. При том, что я всегда — все-

гда! Гордился своей выдержкой и тем, что ни один тролль не способен меня вывести из себя какой бы то ни было провокацией.

Но Барбитаня — это не просто тролль, это тролль восьмидесятого уровня.

— Займись уборкой, — посоветовал я. — Угрожать тому, от кого зависишь — не лучшее решение, как ни крути.

— Каким это образом я от тебя завишу?

— Самым прямым, после того, как разбила мою тачку. Все! — Я вскинул руку, увидев, что она собирается продолжать. — Работа по дому, и ни слова больше!

Девчонка крутанулась на пятках и выразительно громыхнула окном, которое никто из нас так до сих пор и не закрыл. При том, что я совершенно не ощущал прохлады, скорее, наоборот. Мне было жарко, как никогда.

— Хочешь еще одно стекло разбить? — поинтересовался я.

— Так, мне говорить или молчать?!

— Молчать.

Теперь уже я развернулся и вышел. Потому что Барбитаня наводила на те самые мысли, от которых я не мог избавиться с момента нашей второй встречи. Или первой. Да твою ж мать!

Я вернулся в кабинет, но теперь уже мне не работалось. В итоге я закрыл договор и все мессенджеры и откинулся на спинку кресла. Наверное, это была идиотская идея: пригла-

шать ее на работу, когда все мысли только о том, как и в какой позе я ее хочу.

Я сделал несколько глубоких вдохов и выдохов, поднялся и подошел к окну. С самого раннего детства у меня была своя комната, и я всегда знал, что в моей квартире будет рабочий кабинет. Не просто стол на кухне, в гостиной или в спальне, нет, это будет отдельная рабочая зона, где я буду заниматься исключительно работой. Поэтому все здесь — все мои награды с олимпиад, все сертификаты и грамоты, книги, все было строго упорядочено и создавало исключительно рабочую атмосферу.

Здесь не было никакого беспорядка, а еще здесь ничего нельзя было переставлять и менять местами, и Катерина об этом знала. Что же касается этой ходячей катастрофы, надо будет сказать ей, что здесь она не убирается.

Вообще. Совсем.

Вот только стоило мне об этом подумать, как перед глазами возникла сидящая на моем столе девчонка, и я — между ее разведенных бедер, за пару секунд до того, как сделать ее своей.

Но эту картину тут же стерла другая: распахнутая дверь, в дверях — Таня с листом бумаги. На котором было написано крупными печатными буквами: «Я закончила. Остался только твой кабинет».

— Проходи, — я кивнул и вернулся обратно в кресло.

Хотя еще пару минут назад или даже меньше я не соби-

рался пускать ее в святая святых своего кабинета. Но почему-то именно на ней моя логика хромала, и это раздражало. Невероятно.

И в то же время…

В то же время это вносило некий элемент непредсказуемости в мою до точки выверенную жизнь. Как сказала бы Ассоль, которую я давно и прочно считал своей сестрой, «это очень даже в тему».

Но Ассоль пока находилась в Штатах, а вернуться должна была после весенних каникул. Ее мать попала в серьезную аварию, и она экстренно улетела туда. Вообще-то она должна была улететь с концами после школьного выпускного, чтобы поступать уже там, но случилось то, что случилось. К счастью, все обошлось, но она решила остаться на время ее восстановления.

Пока я обо всем этом думал, Таня нарисовалась рядом с моим столом и уперла руки в бока. Сдула с лица прядь волос и сердито посмотрела на меня.

— Что? — поинтересовался я. И перехватил ее руку раньше, чем она выдернет листок из принтера, чтобы написать мне ответ. — Закончили. Что ты хотела сказать?

— О, господин разрешает мне говорить! — обрадовалась маленькая язва.

Вот почему я не люблю общаться с теми, кто сильно младше. У них еще детство в попе играет. Ассоль — исключение.

— Да, разрешает и внимательно слушает.

Я разжал пальцы, потому что прикосновение к хрупкому запястью снова напомнило мне о том, как я касался ее в клубе. И вернуло картинку, где она сидит передо мной прямо здесь, на столе.

— Я пришла убираться. Мне свидетели не нужны.

Это прозвучало так серьезно, что Катерина обзавидовалась бы, но меня почему-то развеселило.

— Я понимаю, если бы ты кого-то пришла убивать. Но нет, Барби, кабинет ты убираешь только в моем присутствии.

Она сверкнула глазами и потерла запястье.

— Спасибо за доверие.

— На здоровье. Но я еще здесь работаю.

— Когда я вошла, ты стоял спиной к двери!

— У меня был перерыв.

Стоп. Какого я перед ней оправдываюсь?

— Убирайся, — сказал я. — А я посмотрю. И проконтролирую.

— Не забудь потом пять звезд поставить, бригадир.

— Я точно знаю, за что я бы тебе поставил пять звезд.

— А я тебе максимум три.

— Достаточно сложно оценить тяжелый люкс, когда закупаешься на барахолке.

Она сверкнула глазами, я ответил самой очаровательной улыбкой. По крайней мере, надеюсь, что она была именно такой. Потому что желание запустить пальцы в ее волосы, растрепать этот пучок и снова почувствовать шелк ее прядей

в своей ладони на мгновение перекрыло все доводы разума.

Не глядя на меня, Таня зыркнула в телефон, пару раз ткнула в дисплей, и в кабинет заехал роберт-пылесос.

То есть робот! Я скоро начну выражаться, как она!

Пока пылесос жужжал на максимальной мощности, она умудрилась везде протереть пыль: начала со стеллажей и полок, изящно обогнула мой стол и закончила подоконником и рамами.

Я старательно делал вид, что работаю. Очень старательно. Но при всем при этом умудрялся за ней следить, и, увы, не за тем, насколько аккуратно она что-то передвигает, а за тем, как двигается. Двигалась она так, как будто танцует, даже когда отжимала тряпку и приседала, чтобы ее окунуть в ведро. Учитывая, что Таня нацепила наушники, не исключено, что там была какая-то зажигательная музыка.

Она наверняка занимается танцами, вопрос только в том, какими?

Стрип-пластика, хай хилс? Точно что-то из этого.

Чтобы не думать о ее пластике, а особенно в сочетании со словом «стрип», я тоже надел наушники. Решил послушать подкаст о громких делах в сфере информационной безопасности, но с какой-то радости услышал: «Резко подавшись вперед, он вошел в нее на всю длину. Она выгнулась ему навстречу, покорно раскрывая бедра…»

Я настолько охренел, что даже не сразу понял, что мои наушники каким-то фигом законнектились с ее смартфоном,

и я попал на аудиокнигу.

Она, нахмурившись, достала смартфон, очевидно, не понимая, что происходит, а я слушал про колючие горошинки сосков, пока наши взгляды наконец не встретились.

В этот момент Барбитаня, кажется, поняла, что произошло. Она принялась так яростно тыкать в дисплей, что ему грозила смерть от перевозбуждения. В итоге телефон выскользнул из ее рук и с характерным «бульк» плюхнулся в ведро.

Глава 14. Таня

Если бы я хоть немного верила в эзотерику, то решила бы, что меня кто-то сглазил. Или я в прошлой жизни делала какие-то совсем ужасные вещи, и меня настигла карма.

У меня вообще возникало ощущение, что Олежка своим расставанием со мной запустил цепную реакцию, стукнул по камню домино, и они принялись падать по очереди.

Как еще объяснить все происходящее со мной за эту неделю?

Утопленный смартфон — словно вишенка на торте! Но по этому поводу я в моменте переживала меньше всего. Потому что ситуации кринжовее, чем когда наушники Левицкого законнектились с моим телефоном, придумать сложно.

Оказалось, что у нас один бренд смартфонов и наушников, вот они и почувствовали родную кровь. Мои наушники заглючили, я нажала переподключиться и вместо продолжения горячей сцены из аудиокниги услышала ровным счетом ничего. Потому что позволила наушникам Левицкого подключиться к моему смартфону!

Я едва не умерла от стыда прямо на месте, когда все поняла!

Поэтому меня хватило только на то, чтобы подхватить ведро вместе с многострадальным телефоном и со словами:

— Закончу завтра, — бежать из квартиры Левицкого так быстро, как только я могла.

Честно, я даже не помню, как вылавливала смартфон, сливала в унитаз грязную воду и переодевалась. Все смазалось в единую картинку, где я чувствовала исключительно свои щеки, на которых сейчас можно было жарить яичницу.

Я всю дорогу домой, в автобусе, вспоминала выражение его лица и думала о том, что это было сравнимо с тем, как если бы он застал меня за самоудовлетворением. Впрочем, стоило представить, как это могло быть, у меня запылили уже не только щеки. Я загорелась вся!

На своей остановке я свернула не домой, а в ближайший сервис, который, к счастью, работал до десяти. У меня был старенький телефончик, но горячо любимый, и я, естественно, хотела его реанимировать. Хотя бы потому что позволить себе покупку нового я сейчас не могла. Если бы Левицкий мне платил… В смысле, за уборку его квартиры! А я и так в последнее время трачу слишком много.

В сервисе пообещали спасти телефон и сказали прийти завтра. Пришлось доплатить за срочность. Но больше судьбы моего смартфона меня волновал вопрос: как мне теперь смотреть в глаза Левицкому?

Он та еще язва, уверена, что будет прикалываться надо мной все эти два месяца. Или еще хуже — решит, что я специально возле него слушаю аудиокниги с перчинкой. Что я хочу повторения того, что было в клубе.

На этом моменте я вспомнила, как он сегодня прижал меня к своему телу, и поняла, что это не совсем ложь.

Я хотела повторения, хотела почувствовать его руки и губы на своей коже.

Но это было невозможно, потому что: А — у нас теперь деловые отношения, Б — Левицкий дал понять, что я его не возбуждаю. По крайней мере, больше не возбуждаю.

И это меня триггерило невероятно. Что он весь такой на троне, а я полы внизу мою!

Квартира встретила меня очередной попойкой: на кухне играло радио с блатными песнями, за нашим маленьким столом разместились отцовские собутыльники, на коленях у отца сидела наша соседка, которая хохотала над пошлым анекдотом.

Я мысленно выругалась на весь этот балаган, стянула кроссовки и запихнула на дальнюю полку в шкафу. Я делала это с тех пор, как «папины друзья» однажды унесли мои новенькие кроссовки, оставшиеся в прихожей. Прошла через отцовскую комнату и постучалась к Мише.

— Медвежонок, это я, — позвала я, и только тогда щелкнула щеколда.

— Я думал, снова туалет ищут, — поморщился брат. Мы с ним давно договорились, что он запирается, когда отец в очередном загуле. У меня была такая же основательная щеколда в моей комнате. Что интересно, отец установил их сам. Когда он трезвел, то понимал, что защитник из него ники-

дышный.

— Ты как? — поинтересовалась я, кинув сумку на пол.

— Успел сделать уроки до того, как это началось, — кивнул Миша на новый приступ хохота с кухни.

— На, — я стянула с шеи наушники и протянула брату, — можешь пользоваться, пока мой телефон в ремонте.

— Что с ним случилось?

— Попытался утопиться в ведре!

Миша округлил глаза.

— Что, правда?

— Да зачем мне тебе врать? Я теперь на информационном детоксе! Ну, почти.

Пока Миша подключал к своему планшету наушники, я села за его письменный стол, достала ноутбук и открыла свои чаты. Первой висела наша переписка с Машей, которая продолжала отлеживаться дома.

Бедовая, ты где пропала?

Почему ты все время вне зоны доступа???

Я не могу до тебя дозвониться!

Что ты делала на парковке с Левицким?

У меня на этом глаза чуть из орбит не выскочили. Но Маша, наверное, решила меня совсем добить, потому что прислала в чат видео, где Левицкий тащит меня к своему «мустангу». Кто-то снимал со стороны, поэтому моего лица видно не было. Очевидно, Маша узнала меня по толстовке.

Во всех чатах универа обсуждают, кто эта девчонка, ко-

торая разбила машину Левицкому, а затем уехала вместе с ним на такси!

Будто мне мало самого мажора, меня теперь еще и в универе обсуждают?!

Пока я моргала на текст, Маша появилась в сети и тут же написала:

Я тебя сейчас наберу!

Наберет она, как же.

Я: У меня сдох телефон, а наушники сейчас у Медведя.

Маша: Что вообще произошло?

Я: Ко мне подошел Олег и назвал шлюхой. Я кинула в него снегом, а попала в машину Левицкого.

Маша тут же прислала мне комбинацию смайлов «глаз-губы-глаз». Подруга была в шоке. Я сама хожу в шоке который день! А еще Левицкий теперь знает, что я слушаю.

Маша: Он на тебя заявил ментам?

Я: Обошлось. Мне удалось договориться с ним по-хорошему.

Маша: Тебе нужны деньги? Или помощь?

После Машиных слов у меня потеплело на душе.

Я: Спасибо, я справлюсь сама.

Маша: В чате пишут, что там повреждений на пол ляма.

Я: Пол ляма?! Такой ремонт я бы не потянула! Там на двести тысяч всего.

Маша: Всего?! И ты говоришь, что тебе не нужны день-

ги?

Я тяжело вздохнула.

Я: Я договорилась отработать.

На экране появилась надпись «Маша печатает», она то пропадала, то снова появлялась, пока не пришло всего два слова:

Маша: Это как?

Я: Слушай, ну не так, как ты подумала!

Маша: Судя по его бывшей, ты не в его вкусе, так что я теряюсь в догадках.

Судя по тому, что говорил мне сам Левицкий, я действительно была не в его вкусе, но сейчас меня это задело. Потому что когда мы с мажором трахались в клубе, он глаза не закрывал. Хотя, может, если бы ему понравилось, он бы предложил мне расплачиваться за «мустанг» совсем не уборкой.

Я бы не согласилась, но все-таки!

У меня вырвалось раздраженное рычание. К счастью, Миша был занят, слушая свои подкасты, и не обратил на меня внимания.

Я: Я подписала договор о неразглашении. Как выполню все условия, сразу расскажу.

В нашем контракте конечно ничего подобного не было, но не признаваться же ей о том, что я теперь мою мажорский сортир?

Маша: Это что-то противозаконное???

Я: Левицкий и противозаконное? Ты что, Маш? Нет, он

супер правильный. Я еле уговорила его не сдавать меня ментам.

Маша: Почему ты не рассказала мне об этом раньше?

Потому что забыла. Мне вообще было не до нее.

Маша: Ты вообще собиралась мне об этом рассказать?!

Я даже через текст почувствовала Машино недовольство. Обиделась.

Я: Я разбила мажору тачку. Тут нечем гордиться.

Маша: Не просто мажору, а Левицкому! Ой все!

В чате появилась надпись «Маша была минуту назад», а я почувствовала себя странно.

Я так и не поняла, при чем тут Левицкий, и почему подругу так на нем переклинило. Я знала всех парней, с которыми она встречалась, и даже всех ее крашей. И ни за что не поднялась бы тогда в випку, знай, что он нравится Машке.

Видимо, здесь что-то другое.

Должно быть что-то другое.

У меня вообще-то проблем гораздо больше, чем ущемленное эго!

Например, мою историю сейчас обсасывает весь универ, и я очень надеюсь на то, что никто кроме Маши меня не узнает. Наверное, придется забыть про любимую толстовку…

Я тоже закрыла чат и решила дать подруге остыть. Но вместо того, чтобы готовиться к завтрашнему семинару, нашла страницу Левицкого.

У него не было кринжовых фото самолюбования, как это

любили делать большинство парней, в основном снимки с каких-то бизнес-встреч или из путешествий. Никакой обнаженки, все прилично. Особенно красивым был снимок из Питера. Я была там дважды, на соревнованиях, и почти не видела город, но Финский залив и «Лахта Центр», самый высокий небоскреб в Европе, узнала сразу. Правда, если я гуляла по Яхтенному мосту, то снимки Левицкого сделали на яхте с белом парусом.

Я пролистала дальше и на следующем фото увидела фото Клима, прижимающего к себе эффектную брюнетку. Она выглядела как топ-модель и явно знала, какая у нее рабочая сторона.

Я не должна была этого делать, но все равно перешла на ее личную страницу и очень быстро поняла, какие девушки на самом деле нравятся Левицкому: стильные, ухоженные, с идеальной кожей, успешные. Ассоль Астанина оказалась известным блогером. Второй девушкой на его странице была не менее эффектная рыжая Марина, длинноногая и с такой роскошной копной красиво уложенных локонов, что любая удавится от зависти.

Мне до них было, как до Китая раком.

Правда, на этой мысли я разозлилась на саму себя и захлопнула ноутбук, отчего он подозрительно скрипнул. Пришлось снова его открывать и проверять, все ли с ним в порядке. А то я в последнее время стала каким-то киллером техники!

С ноутом оказалось все в порядке, а вот с моей самооценкой все было хуже некуда.

Ее нужно было срочно восстанавливать и поднимать.

И тогда у меня в голове возникла безумная идея.

Глава 15. Таня

Если бы каждое утро начиналось так же бодро, как думается обо всем вечером, я бы, наверное, уже закончила универ, как все эти гениальные подростки, о которых пишут в газетах. Но сегодня я с трудом разлепила веки: отцовская попойка закончилась ближе к утру, поэтому ближе к утру я смогла заснуть.

Совершенно забыв о том, что у меня нет будильника.

Поэтому когда я открыла глаза, мою комнату заливало яркое весеннее солнце, а на старых настенных часах было… десять ноль пять.

Десять ноль пять!

Я вскочила с кровати, понимая, что безнадежно опоздала на пары. Спросонья я еще с минуту моргала на тумбочку, пытаясь понять, почему не сработал будильник, и только потом вспомнила, что телефон в сервисе.

А-а-а-а-а-а!

Я выбежала из комнаты как есть, в пижаме: Миша уже ушел в школу и утащил с собой мои наушники! Из комнаты отца доносился храп, а вся квартира провоняла алкоголем и сигаретами.

Первое, что я сделала — это распахнула настежь все окна, а потом побежала в ванную. Хотя можно было особо не торопиться.

Ванная в нашей квартирке была совмещена с туалетом и здесь тоже воняло так, что мама не горюй. Не спасал даже освежитель, который я меняла чуть ли не каждую неделю. Испытывая жгучее желание нацепить на нос прищепку, я быстренько приняла душ и вернулась к себе.

Первые две пары я уже «прогуляла», а вот на третью вполне могла успеть. Разумеется, никакой речи о том, чтобы воплотить свой план в жизнь сегодня, не шло, поэтому я оделась в джинсы, водолазку и курточку.

— Прости, — сказала толстовке с сожалением. — Ты пока побудешь дома.

Я даже волосы оставила распущенными, чтобы никак и ничем не ассоциироваться с той девушкой с видео. То есть с собой.

Такси я себе позволить не могла, поэтому влетела в аудиторию за десять секунд до звонка и увидела совершенно ошалевшую Машку, которая смотрела на меня большими глазами. Между прочим, оправданно: за все время нашего знакомства я не прогуляла ни одной пары. Потому что (что бы там себе ни думала мама Олега) я в универ пришла учиться, и делала это вполне успешно.

Потому что от этого зависело мое будущее!

— Привет, — шепнула я, как раз в тот момент, когда в аудиторию вошла преподавательница по гражданскому праву.

Последней парой у нас была лекция, и я была искренне

этому рада: тому, что можно расслабиться. Потому что когда не спишь всю ночь, прислушиваясь к ору из-за двери и пытаешься понять, не надо ли уже бежать отбивать брата, к которому ломятся в дверь, на практических занятиях может быть невесело.

Машка сделала вид, что меня не знает.

— Алаков?

— Здесь.

— Аришина?

— Здесь!

— Аликантов?

— Нет его, болеет.

— Балакин?

Тишина.

— Бед***о***вая! — назвала мое имя преподша, и весь поток заржал.

Потому что не она первая, не она последняя. А самое интересное, что у нас случилась экстренная замена, до этого гражданку вел тощий как жердь препод, заработавший прозвище Штырь, но он исчез. Буквально. То есть однажды не вышел на работу и пропал.

— Бедов***а***я, — поправила я.

На меня посмотрели в упор из-под очков и пошли дальше по списку. Вообще мне здорово повезло, что я проснулась именно в десять ноль пять: говорили, что этой преподше невозможно сдать, если ты пропустил хотя бы одну ее

лекцию.

— Маш, в чем проблема? — снова шепнула я.

— Проблема в том, что ты мне ничего не сказала про Левицкого!

— А что я должна была сказать?

Она снова сделала вид, что мы не знакомы, и я разозлилась. Потому что если бы Машка решила повыпендриваться в другой день, то окей, но я не спала, блин, всю ночь, у меня сдох смартфон, я рабыня Левицкого, который узнал, что я читаю и слушаю, а весь универ только и ждет того, чтобы узнать, кто эта загадочная Золушка, которая разнесла принцу карету.

И если кто-нибудь об этом узнает, моя жизнь станет еще веселее. В разы веселее. Но…

Я похолодела раньше, чем преподша дошла до конца потока по списку. Потому что помимо Машки мою тайну знал Олег.

Олег, блин!

И если раньше я считала, что он будет делать все, чтобы избавиться от меня в своей жизни, то после случившегося на парковке я уже не была так в этом уверена. Тот факт, что он никому ничего не сказал… пока, ни о чем не говорит. Олег явно не дружит с крышей, если сам бросает меня, а потом заявляет, что я шлюха. Так что тут только вопрос времени.

Да чтоб тебя!

Первую часть пары я просидела, старательно записывая

все, что говорила преподша. Точнее, конспектируя. Потому что еще про нее ходили слухи, что она спрашивает именно по своим конспектам. Но параллельно гражданскому праву в моей голове крутились мысли, далекие от прав, не говоря уже о чем-то юридическом.

Потому что я мысленно била Олега ногами за все, что он устроил.

И злилась на себя за то, что повелась, как дура, на его подначки. Просто… ну что мне стоило проигнорить его в тот день? И не надо было бы сейчас ходить к Левицкому, и телефон был бы жив, и я бы не думала о том, что это парнокопытное (то бишь Олег) спалит меня передо всем универом.

Прозвенел звонок, и все повскакивали со своих мест. Кто-то пошел на перекур, преподша изучала свой планшет, Маша сидела с видом оскорбленного достоинства.

— Маш, мне нужна твоя помощь, — я ткнула ее пальцем в плечо.

— Ну конечно! Теперь тебе нужна моя помощь!

— О том, что с Левицким уехала я, знает Олег.

Она открыла было рот, собираясь высказать мне, что «охренеть, даже Олег знает», но я ее перебила:

— Он знает, потому что я запустила в него грязным снегом на парковке, а не потому что я ему рассказала.

Тут до Маши дошло, и она округлила глаза:

— И что теперь делать?

— Вот и я думаю, что теперь делать. Может, ты сходишь

к нему и попросишь ничего никому не говорить?

— А я-то с какой радости?

— Потому что я не хочу сидеть за убийство!

Она наигранно-тяжело вздохнула, но потом кивнула.

— Ладно. Так уж и быть. Что не сделаешь ради лучшей подруги. Только ты пообещай больше ничего не скрывать! Я не собираюсь об этом никому рассказывать, так что твой договор о неразглашении в надежных руках, и ты прекрасно это знаешь! Что именно Левицкий с тебя потребовал в качестве отработки?

Я вздохнула.

— Убирать его квартиру.

— Что?!

Кажется, Маша была разочарована. Или нет? Потому что после изумленного вопроса она просияла:

— Какая у Левицкого хата? Наверняка шикарная!

— Шикарная — не то слово, — вздохнула я. — И большая. У него, конечно, есть техника, но убираться там заманывает. Учитывая, что мне еще надо бы дома убраться…

— Отец кутил? — сочувственно спросила подруга.

— Угу. Позвал всех, кто не прочь прибухнуть… А я как всегда за Медведя переживаю.

— Я ж те говорю, сними квартиру. Всяко спокойнее будешь.

Я вздохнула. Увы, снять квартиру я не могла — на это ушла бы вся моя месячная зарплата. Дополнительный до-

ход от выступлений не считается, он нестабильный, и на него рассчитывать нельзя. Но даже если бы у меня получилось снять что-то более-менее приличное, нам с Мишей пришлось бы жить в одной комнате, что вот вообще не вариант. Он взрослеющий пацан, а я девушка.

И уж тем более точно не вариант оставлять его с отцом.

— Пока не получится.

— Ты говорила, что что-то откладываешь.

— Этого хватит на комиссию риэлтора, залог и пару-тройку месяцев. А дальше я что буду делать?

Маша пожевала губы.

— Ладно.

Снова прозвенел звонок, и лекция продолжилась. Но я уже чувствовала поспокойнее и как-то увереннее, что ли. Хотя бы потому, что Машка снова на моей стороне и больше не обижается. Для меня это было важно, потому что она — моя бести. Да, я неплохо общалась с девчонками-коллегами из танцевальной студии, но это другое. Тем более что они любили потусить, а я в их тусовку не вписывалась из-за своего напряженного графика.

После пары, которая сегодня для меня стала первой и последней, я ждала гонца, то есть Машку, с новостями. И они оказались не самыми приятными.

— Олег сказал, что на эту тему будет говорить только с тобой, — Маша пожала плечами и нахмурилась. — Прости, Тань. Я сделала все, что могла.

Глава 16. Таня

С тем, чтобы поговорить и во всем разобраться у меня никогда не было проблем: жизнь заставила меня все вопросы решать быстро, а людей, которые делали мне больно, так же мгновенно выбрасывать из головы и из сердца.

Я знала, что уязвила эго Олега (эго Олега — даже звучит как каламбур) тем, что не ходила с заплаканными глазами после нашего разрыва. Он же порвать со мной не мог пару месяцев, а я такая бессердечная бросилась в объятия первого встречного! Но Олег мог себе позволить страдать и сомневаться, а я нет. Потому что работала, училась и заботилась о брате. Естественно, бывший обо всем этом знал, но — сюрприз! — ему было плевать.

Только сейчас до меня окончательно дошло, что ему вообще было на меня плевать. Ему нравилось со мной трахаться, нравилось то, что я смотрела на него щенячьими влюбленными глазами, что игнорировала всех остальных парней, они для меня просто не существовали. В общем, в наших отношениях Олегу, в основном, нравился он сам.

Если следовать такой логике, то наш разрыв был неизбежен. Я, конечно, была безотказной и влюбленной, но слишком занятой, а Олежке требовалась девушка, для которой он будет единственным и неповторимым во всех смыслах. Которая будет нравиться его маме, и которая прибежит к нему

по первому зову.

Где были мои глаза, когда я вкрашилась в этого придурка? А мозги, когда искренне верила в совместное будущее? Да там после знакомства с мамой нужно было сразу бежать от Олежки быстро-быстро.

К счастью, сейчас мы были не вместе. К несчастью, Олег знал мою тайну, и я собиралась договориться, чтобы этот злопамятный нарцисс наконец-то от меня отвалил и не создавал мне проблем.

А он своим трепом мог.

Хрен бы с ними, со сплетнями вокруг Левицкого и пресловутой Золушки, если это видео дойдет до администрации, меня могут лишить стипендии и выгнать из университета. Это они о платниках пекутся, о спонсорах в лице их родителей, а за мной никто не стоит. Защитить меня некому.

Кроме меня самой.

Поэтому я направилась в любимую кофейню Олега, в которой он любил коротать время между парами и тренировками. Он называл это *нашей* любимой кофейней, но лично для меня это заведение было слишком пафосным и с невкусным кофе. Мне нравился классический капучино, без сахара и сиропа, таким, каким его готовил Левицкий, а здесь подавали горько-сладкую хрень с соевым заменителем.

Я залипла на пороге кофейни, осознав, что мажор тогда даже не спросил, какой кофе я люблю. Он просто приготовил для меня самый вкусный.

Мой взгляд упал на Олега, который сидел за столиком возле большого панорамного окна и, лениво потягивая очередной «раф с халвой», печатал что-то на ультратонком ноутбуке, и мысль о том, какой кофе любит сам Клим, растворилась в недрах моего сознания.

Я прошла к нему и, не снимая куртки, опустилась в кресло напротив.

— Что ты хочешь за молчание? — поинтересовалась начистоту.

Олег бросил взгляд поверх монитора, словно только что меня заметил, хотя я шла через практически пустую кофейню, и не заметить меня мог только слепой.

— Привет, Танюша, — вместо нормального ответа сказал он, а я скрипнула зубами. Ненавидела, когда меня так называли, и сто раз говорила ему, чтобы так не делал, но Олег все равно продолжал. Теперь я понимаю, что он не страдал приступами амнезии, просто игнорировал то, что мне это не нравится. — Вот так, сразу к делу?

— Ой, давай обойдемся без предварительных ласк, Олежка! — вспылила я, и тут же напомнила себе мысленно, что я не буду бить его мордой в ультратонкий ноутбук, хотя и очень хочется. — Ты прекрасно знаешь, зачем я здесь, и что от тебя хочу. Иначе бы я не подошла к тебе и на выстрел.

Лицо Олега пошло пятнами, но он сложил руки на груди и посмотрел на меня с превосходством.

— Если бы ты вместо тачки Левицкого попала в меня, то

уже бы сидела за решеткой, Танюша.

Я отзеркалила его позу и откинулась на спинку кресла.

— Я даже в тебе не сомневалась, Олег. Что ты ко мне привязался? Ты меня кинул, нашел себе девушку получше. Так к чему все это?

— Да нужна ты мне! — выплюнул бывший.

— Тогда во имя всего хорошего, что было между нами, дай обещание, что будешь молчать о случившемся на парковке, — попросила я.

— Хорошо, — легко согласился он, но тут же добавил: — За минет.

— Чего?! — У меня глаза полезли на лоб.

Он гадко усмехнулся.

— Отсосешь мне в туалете, и я буду молчать.

Я правда верила, что у меня получится договориться с Олегом, когда сюда шла. Сейчас я пожалела о том, что не включила диктофон и не записала наш разговор. Потому что тогда у меня был бы компромат на него, и это заставило бы его заткнуться.

А может и нет.

Еще я поняла, что все мои чувства к нему окончательно растворились в небытие. Испарились, как вода на солнце. Потому что мне нравился веселый и компанейский парень, который стал моим первым во всех смыслах. Моим первым парнем, моим первым партнером, моей первой любовью.

Сегодня до меня окончательно дошло, что того парня нет. Я его сама себе придумала. Сейчас на его месте сидит манипулятивный злобный хрен, который решил, что у него получится меня шантажировать.

— А Света против не будет? — поинтересовалась я.

— Она не узнает, — на полном серьезе ответил Олежка.

У меня просто зачесались руки ему вмазать. Разбить ему нос, хотя раньше я не замечала в себе такой агрессии. Если у меня и были какие-то негативные эмоции, я их все выплескивала в танце.

— Давай так, — поднялась я. — Я не выливаю на тебя твой раф и никому не рассказываю о твоем чудо-предложении. А ты держишь язык за зубами, и мы живем счастливо, благополучно забыв о существовании друг друга.

— Я тебе свои условия озвучил, — Олег нахмурился, явно недовольный таким поворотом. — В понедельник отнесу это видео в деканат, пусть они решают, стоит ли преступнице учиться на юридическом, и как это ударит по репутации вуза.

Я сжала и разжала кулаки. Все во мне кричало: «Не надо!» Я же потеряю шанс вылезти из той ямы, в которой я родилась. Но лучше уж так, чем повестись на этого шантажиста!

— Относи. Делай, что хочешь. Я в твои игры больше не играю, Олежка. Спасибо тебе, что ты меня бросил и открыл мне на все глаза. Пошел ты, Олег!

Я развернулась и выбежала из кофейни.

Чем я дальше от Олега, тем нам обоим лучше. Потому

что желание схватить его ноут и бить им бывшего по голове никуда не делось.

Впрочем, оно никуда не делось и после трех часов занятий подряд. Сегодня была пятница, и танцевальный зал был полностью забит желающими сбросить стресс после сложной недельки. Я выложилась на все сто, но легче не стало.

Одна часть во мне надеялась, что Олег все-таки блефует и не будет создавать мне проблем. Другая же накручивала меня раз за разом.

Я буквально представляла, как меня вызывают в деканат и отчисляют за поведение. Меня даже то, что Левицкий не написал заявление в полицию, не спасет. Или спасет?

Я накрутила себя так, что в квартиру мажора поднималась полностью взвинченной. Думая о том, что сейчас буду мыть его элитный сортир и представлять, что, похоже, проведу так всю свою жизнь.

В смысле, намывая сортиры.

Апартаменты Левицкого встретили меня теплыми полами, тихой музыкой, доносящейся из кабинета, и едва уловимым ароматом кофе. Этот роскошный уют был словно насмешкой над раздраем в моей душе.

Расслабленный мажор с чашкой в руках стал последней каплей.

— Ужин? — спросил он, а я яростно отрезала:

— Нет, — и решительно направилась в кладовку. Быстрее начну отработку, быстрее закончу.

— То есть, ты нормально поела?

В какой-то момент у меня сдали нервы.

— То есть, не надо… этого всего! — прорычала я и взмахнула руками.

— Всего? — вскинул бровь Левицкий.

— Не надо меня кормить, как бездомную кошку. Не надо интересоваться, поела ли я. Не надо спрашивать, как у меня дела. Потому что у меня хреново дела, и я так живу. Я всего лишь твоя должница и уборщица! Наш перепихон в клубе ничего не значит!

Глава 17. Клим

Барбитаня не выходила у меня из головы. Настолько, что я чуть было не словил «хорошо» сегодня на занятии. А еще постоянно ловил себя на мысли, что я выглядываю эту ходячую катастрофу на переменах, но ее не было. Это было совершенно точно не нормально. Для меня.

Потому что я во всем придерживался своих принципов: для учебы у меня было свое время, для работы свое, для отношений, отдыха, друзей — отдельное. И я старался их не пересекать, полностью сосредотачиваясь на той или иной сфере своей жизни, но Таня умудрялась влезать в мои мысли, когда было не ее время. По большому счету, ее времени в моих мыслях вообще не должно было быть, но…

— Клим, ты меня слышишь? — поинтересовался отец.

Я сидел у него в кабинете, и, кажется, снова вылетел из реальности. В тот самый момент, где Барбитаня топила свой телефон у меня в ведре после жаркой сценки в своей книге.

— Да, — ответил я, посмотрев на него. — Да, разумеется.

Левицкий Сергей Юрьевич вернул мне внимательный взгляд. В отличие от моего, скептический.

Мы с отцом были не похожи внешне, от слова совсем. Я унаследовал рецессивный ген светлого цвета волос от матери, равно как и цвет глаз, и даже форму носа. В остальном природа слепила меня, ни на кого не опираясь: у отца бы-

ла массивная челюсть, густые брови и темные волосы. Глаза тоже были темные, черты лица крупные, поэтому когда нас впервые видели вместе, очень сильно удивлялись.

По всем законам природы я должен был быть похож на него, но я не был.

Внешне. Потому что по характеру я был точной его копией.

— Значит, ты в курсе, что завтра мы ужинаем в нашем загородном доме. И еще. Что за история с твоим «мустангом»?

— Откуда ты знаешь? — прищурился я.

Отец промолчал.

— Отец. Серьезно! Ты же обещал.

Меня пасли с самого детства. Потому что Сергей Левицкий вел достаточно громкие дела, и там были свои нюансы. Но мы с ним договорились — когда я переехал в свою квартиру и начал жить отдельно, что с этим покончено.

— Времена сейчас такие, неспокойные, — пространно отозвался он.

— Я даже знать не хочу. Мы договаривались.

— Мы договаривались, что ты не будешь их видеть. Ты их видел?

Мне захотелось зарычать.

— Это моя частная жизнь, твою мать!

— Выбирай выражения. Когда речь заходит о твоей безопасности и твоей частной жизни, я выберу первое, уж прости.

— В таком случае ты наверняка знаешь, что произошло с «мустангом».

— Только до того момента, как его забрали со стоянки, а ты уехал с девицей, которая его расколошматила, к себе.

Господи.

Я вздохнул, подавляя приступ ярости, которая буквально сочилась сквозь мои поры.

Отец возвышался за своим идеальным столом, на котором не было ни единой соринки. За его спиной, в панорамном окне, город задыхался в вечерних пробках, но сюда не долетало ни звука. В «Левицкий и партнеры» все всегда было идеально. Даже застывшая в углу кабинета бронзовая Фемида была идеальна. У ее весов был странный дефект, или, наоборот, высший смысл: они никогда не качались. Замерли в идеальном равновесии, как и все в жизни отца.

— Мне не нужны няньки, отец. Мне не нужно, чтобы ты следил за каждым моим шагом.

— Так кто она?

— Кто?

Я намеренно «протупил», потому что не хотел сейчас говорить про Барбитаню. Уж точно не когда я зол, и не с ним. Я вообще ни с кем не хотел про нее говорить.

— Та девица. Кто она? И почему она поехала не в полицию, а с тобой на бизнес-такси?

— А вот это — совершенно точно моя частная жизнь. — Я оттолкнулся от подлокотников кресла и направился к двери,

оставив отца с его кабинетом за спиной.

— Завтра в семь. Не опаздывай, — ударило мне в спину. Но я тем не менее не обернулся.

В его кабинете, посреди этого стерильного порядка, любая живая эмоция казалась грязным пятном на идеально белой рубашке или дорогущем деловом костюме. Именно сейчас, в противовес этому, я почему-то вспомнил яростный блеск глаз Барбитани и то, в какой хаос она с легкостью превращает все вокруг.

Она бы взорвала этот кабинет одним своим присутствием. И, честно говоря, мне до безумия захотелось на это посмотреть.

Домой я вернулся взвинченный, позднее обычного, искренне надеясь, что успею до Тани и ей не придется торчать под дверью — Катерина по пятницам не приходила. Но ждать в итоге пришлось мне, и довольно долго, и когда я начал уже думать, что она вообще не придет, она все-таки явилась.

Я подавил в себе желание поинтересоваться, не хочет ли она остаться на ночь, может, это намек, но вовремя себя остановил. На таком топливе как у меня, сейчас можно договориться до чего угодно и наговорить лишнего.

Но Таня справилась за нас двоих: вместо того, чтобы согласиться пойти поесть — она явно была голодная, наорала на меня, сообщив, что я вижу в ней бездомную кошку. И если бы она на этом остановилась…

— Наш перепихон в клубе ничего не значит! — выплюнула она, и в ее глазах, расширенных и блестящих от ярости, я увидел отражение собственных чувств. Тех самых, которые старательно сдерживал сегодня весь вечер.

Я медленно поставил чашку на высокую тумбочку. Значит, «перепихон»? Забавно. В ту ночь в клубе, когда она прижималась ко мне, задыхаясь от адреналина и собственной дерзости, все выглядело иначе. А сейчас она стоит передо мной — взъерошенная, злая, пахнущая танцевальным залом и дешевым дезодорантом, и пытается убедить меня в том, что это ничего не значило.

— Ничего не значит, — повторил я, пробуя слово на вкус. — Коротко и ясно. Тебе полегчало от этой декларации независимости?

Она не ответила, лишь сильнее сжала кулаки. Я видел, как на ее шее бьется жилка. Она была на пределе — еще немного, и либо расплачется, либо вцепится мне в лицо. И, честно говоря, второй вариант мне нравился больше. В этой девчонке было столько необузданной хаотичной жизни, что мой стерильный, вылизанный мир рядом с ней казался декорацией к скучному фильму.

— Знаешь, — я сделал шаг вперед, намеренно нарушая ее личное пространство. — Как уборщица ты тоже не самый лучший вариант, Катерина справляется куда лучше. И даже если не принимать во внимание ее, я бы предпочел тебе клининг. Они приходят вовремя, не пытаются прожечь во мне

дыру взглядом и не орут.

— Так вызови! — выкрикнула она, отступая на шаг. — Чего ты ждешь? Сдай меня декану, вызови ментов, стряси бабла за свою колымагу! Что ты меня маринуешь?!

Я посмотрел на нее сверху вниз. Сейчас Барбитаня была похожа на котенка, который попал в грозу: шерсть (читай, волосы) дыбом, когти наружу, а в глазах — первобытный ужас перед будущим.

— Успокойся. Твой декан ничего не узнает. — Я лениво поправил рукав домашнего джемпера. — Мне не нужно, чтобы тебя отчислили. Мне нужно, чтобы ты выполняла свою часть нашего договора. Без истерик и драм.

— Я не истерю!

— Именно этим ты сейчас и занимаешься. — Я подошел вплотную, заставляя ее вжаться спиной в шкаф-купе. — Ужин в холодильнике. Если ты считаешь, что голодный обморок во время мытья полов — это лучший способ показать характер, то разочарую: таскать тебя на руках в мои планы не входит.

— Сдались мне твои руки!

Она снова яростно сверкнула глазами, проскользнула между мной и гардеробной, но не пошла на кухню. Резкий хлопок двери в санузел и агрессивный шум воды были мне ответом.

Если честно, я вообще не понял, что сейчас произошло. И не понимал до сих пор. Потому что ярость, клубящаяся

внутри, разрослась до каких-то невиданных размеров и сейчас грозила просто разорвать меня изнутри.

Я направился к ванной, на ходу уговаривая себя, что не буду с ней больше цепляться.

Что мы просто поговорим.

Она просто поест, а меня больше не будет мучить совесть за то, что я заставляю ее таскаться ко мне в такое время и делать то, что, по сути, совершенно не нужно.

Да, про клининг я не соврал, но…

Она всерьез думала, что я заставляю ее отрабатывать разбитую тачку?

Нет, вопрос в другом.

Я что, реально думал, что все обстоит именно так?

Толкнув дверь, я увидел ее. Она стояла на коленях, яростно оттирая что-то между плитками. Волосы выбились из хвоста, прилипнув к вискам, щеки горели лихорадочным румянцем. Она выглядела так, что у меня в ушах зашумело.

Кажется, в этот момент я осознал, что игры в горничную и хозяина не настолько лишены смысла.

— Хватит, — сказал я, прислонившись к косяку.

Она даже не обернулась, продолжая натирать что-то видимое только ей одной губкой.

— Я сказала, что отработаю. Я отрабатываю. Уйди, — прохрипела она.

— Ты сейчас сотрешь эмаль вместе с пальцами. Вставай.

Я шагнул внутрь, и она резко вскочила, выставив губку

перед собой, словно клинок. Пара капель моющего средства пеной прилетело мне прямо на джемпер. Я посмотрел на пятно, затем на нее.

— Ой, извините, господин мажор. — В ее голосе не было ни капли раскаяния, только чистый, концентрированный яд. — Сильно пострадало ваше очередное имущество? Могу потереть этой же тряпкой.

— Ты специально напрашиваешься? — Я сузил глаза, делая шаг вперед. — Думаешь, если я буду вести себя как подонок, тебе станет проще меня ненавидеть?

— Мне и так проще некуда! — Она швырнула губку в ведро, тяжело дыша. — Ты затащил меня сюда, запугал полицией и теперь играешь в «доброго хозяина». Кормишь, заботишься... Тебе что, скучно? Купи себе шпица, Клим, вы с ним будете в одном цвете. Оставь меня в покое, дай просто вымыть этот чертов пол и уйти!

— Уйти куда? У тебя дома из еды наверняка только чайный гриб и пачка сухариков. — Я перехватил ее за запястье, когда она попыталась снова опуститься к ведру. — Посмотри на себя. Ты едва на ногах стоишь.

— Тебе-то что?! — Она рванулась, но я держал крепко. — Я для тебя — способ развлечься. Очередная девчонка из клуба, которую можно прижать к стенке и смотреть, как она дергается. Тебе нравится власть, да? Нравится, что я не могу просто послать тебя и выйти в эту дверь?

— Мне нравится, когда люди ведут себя адекватно, — я

притянул ее ближе, чувствуя, как ее бьет мелкая дрожь. — А ты сейчас ведешь себя как ненормальная.

— Да пошел ты! — Она с силой меня оттолкнула, но я перехватил ее, прижимая девчонку к холодной стене ванной.

Между нами искрило так, что, казалось, сейчас сработает пожарная сигнализация. Ее дыхание, прерывистое и горячее, обжигало мою кожу. В ее глазах была такая концентрация ненависти пополам с чем-то еще — чем-то от словосочетаний в стиле той книжки, которую она вчера слушала, что у меня на мгновение перехватило дыхание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.